Алексей Козловский

Семь с половиной недель осени

Стихи

2012
Абакан
Хакасское книжное издательство

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус) 6–5
К 59

Козловский А. Д.

К 59 **Семь с половиной недель осени**. Стихи. — Абакан: Хакасское книжное издательство, 2012. — 168 с.

ISBN 978-5-7091-0588-1

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус) 6–5

© Козловский А. Д., 2012
© ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство», 2012

НЕДЕЛЯ ПЕРВАЯ

СТИХ 1

Спят бюджетники и видят сны,
Что они теперь олигархи пылкие,
Население завидует и мочится у стены,
Возле вилл их, мочой заполняя бутылки,
И забрасывают через изгородь в огород,
Где у наших ребят растёт картошка.
А вот если представить наоборот,
Вместо пятёрок сплошные двойки,
Богатые видят такой компот:
Бомжами себя на простой помойке?
А служителям снятся то «Пусси Райт»,
То часы дорогие в крутой оправе,
Но слышится окрик: «Не возникай!» –
И они понимают — возникать не вправе.
Родившись однажды в стране дураков,
Нет смысла переквалифицироваться,
Наполучаешь щелбанов и тумаков,
От первой же встречной инфицируешься…
Тогда устанешь по больницам ходить,
Выпрашивая дорогие лекарства и снадобья…
Нужно Родину крепче себя любить!
Родина может ещё понадобиться….

СТИХ 2

У всех различное отношение к режиму,
Впрочем, как и во все времена,
От тех и этих тошнит ужимок,
Хорошо центристам, в проигрыше — никогда:
«А чего болтать, смотрю телевизор
И вижу, как буйствуют мураши
И лезут и пробираются низом,
Вещая выспренно, да от души.
И как надеются поцарствовать тоже,
Покуражиться от души и всласть.
Пускай сегодня получу по роже,
Но будет когда-то и наша власть!..
И вот тогда, в иной ипостаси,
Сразу законы установлю,
Такие, чтоб никакие Пети и Васи
Не смогли и близь подойти к рулю».

СТИХ 3

Как ласковы дети, убивающие отцов,
Они антиподы отцам убивающим.
Какое они одевают лицо,
Идя навстречу отцам страдающим.
Как ласковы дети, убивающие матерей,
Они антиподы матерям убивающим…
Их тела, приближающиеся, без костей,
Подобно змеиным телам извивающимся.
И те, и другие любить должны,
И те, и другие запрограммированы
Стоять у одной глухой стены,
Одной бациллою инфицированы.

СТИХ 4

Собаки бывают породистые и не очень,
Есть дворняги, но с примесью благородной крови,
Собаки не ведают про город Сочи,

Хотя знают, что есть глаза воловьи,
Но это деревенские кобельки и сучки,
Зато городские разбираются в марках бензина
И могут по запаху отличать, чьи ручки:
Из народной «Жиги» или заграничного лимузина.
У собак тоже своя империя,
От мозга костей и до хвоста сволочная…
И, как водится, фанаберия,
Знамо дело собачья — кобельково-сучная!
И если придётся тебе собакою
Крутиться под колёсами автомобиля,
Подумай про жизнь, почти одинаковую
С такою несчастной и незадачливой псиной.

СТИХ 5

Застегните ширинку, господин поэт,
Вы поюродствовали вполне достаточно,
Сводя старания всех друзей на нет,
И себя, аналогично патлатого.
Свою фигуру мните центром мира,
Да что там мира — Вселенной всей,
А у самого – однокомнатная квартира
На вас с женою и её дочерей.
Теперь с девчонками шутить не мило,
С благоверной поцапался… и готов…
Тотчас сделают из тебя педофила,
А судье хватит и путанных слов.
Потом места не столь отдалённые,
А зэки злы на таких людей…
Спрашивают: «С чего мы в тебя влюблённые?
Эх, побольше бы здесь таких блядей…»
И запомните впредь, небожитель умильный,
Что путь по круглой Земле не прям
И вряд ли хватит твоих извилин
Осознать, какой здесь царит бедлам.

СТИХ 6

Теперь врачуют, не тревожа тела,
Камни в почках и всякие там сосуды,
Целенаправленно и умело,
Не объявляя вселенским чудом.
А то научились калечить душу
При помощи разных виртуальных штучек,
Желания глушат, как рыбу глушат,
И чем дальше, тем виртуозней и лучше.
Теперь и к друзьям, как к доктору на приём,
Приходите под запись к двадцати ноль-ноль…
Посидим, бутылочку разопьём
И разойдёмся… такая вот карамболь.
Всё просто и сложно, где правда-ложь,
До одури и до слепого оргазма,
Тем паче, если меня не трожь,
Вполне останусь я куртуазным…
А если полощет от этих встреч,
Как от доброй порции метанола,
Приподними башку свою выше плеч
И посети своего портного.
Он всё распорет и всё ушьёт,
А то и добавит, но там, где нужно,
И коль заплатишь, то и убьёт
Того, кто в подъезде наделал лужу…

СТИХ 7

«Я себя под Ленина чищу,
Чтобы плыть в революцию дальше…» –
И в кармане мусолю тыщи,
Опасаясь бумажной фальши.
Научились печатать деньги,
Научились рубить с плеча
Эти самые злые дети,
Внуки-правнуки Ильича,
Что себя под Абрамовича чистят,

А ещё под Юрия Михайловича норовят,
Долгорукого, но падают листья,
Что поделаешь — осень и листопад…
Что подумаешь — да политику к чёрту
И айда-те в суздальские леса
Или к Эвксинскому Понту
Под его небом тешить телеса.

СТИХ 8

Товарищ Сталин, вставать пора,
Залежались в камне на площади Красной,
А у нас наступила такая пора,
Что вслух и высказываться-то опасно.
Уже и Руст вас будить садился —
Пацан из Германии сытой,
И сэр Маккартни триумфом упился,
А вы всё спите, а вы всё спите.
Вот, кажется, стоило подумать бы
О тех, кого вы строили в шеренги,
Или о тех, кто просто, разлысив лбы,
Вставал безропотно к расстрельной стенке.
Мы так вам верили, писали стихи,
А заодно и доносы кропали…
Товарищ Сталин, вы так тихи,
И вы устали, товарищ Сталин.
Теперь можно запросто разбогатеть,
Всего и делов — распилить чего-то,
Толкать за бугор алюминий, медь
Таким вот рустамам, молодым пилотам…
Телегу не можем забыть и сани,
Русь становится страной заштатной,
Зато детей можно учить в Германии,
А лучше в Англии или в Штатах…
Вполне возможно, если карман позволит,
С женой укатить позагорать на Мальдивы,
Опять же работать кто неволит?
Помогите, если можете и если живы.

А мы добровольно махнём в ГУЛАГи,
Приветствуя ручками вас умильно…
Да что там, хватит марать бумаги,
Лежите смирно под плитой могильной,
Лежите тихо, ни о чём не думая,
Живём как можем, хотя и кое-как,
Со своими бомжами и толстосумами,
Мотая, как водится, сопли на кулак!

СТИХ 9

«Никто не даст нам избавленья –
Ни царь, ни Бог и не герой…»
Как ни крути, а это звенья
Всего-то лишь цепи одной…
У нас есть опыт, но нет теории,
Есть много партий КПСС
И книжек множество по истории,
Да в них по-прежнему кто по дрова, кто в лес.
А наши горе-руководители,
Потрясные сотрясатели всяческих основ,
Живут в кремлёвской своей обители
И учат жизни своих рабов…

СТИХ 10

Незадачливый букет:
Нефть и газ, сто грамм конфет.
Незадачливый набор:
Масло, пушки, разговор.
Незадачливый вопрос:
С водки или с папирос?
Незадачливый ответ:
Повышать акцизы? Нет!
Незадачливый букет:
Сколько нужно нам конфет,
Сколько нужно нам валют
И шампанских, типа «брют»,
Телефонов и ракет?

В пустоте повис ответ
Без правдивости и фальши…
А пошли куда подальше!

СТИХ 11

Дожди через сентябрь,
Как через жизнь — тоска,
Беспечная хотя бы,
Сквозная у виска,
То рана, но не слишком,
То песня, то донос…
Медовая коврижка
И медный купорос.
Дожди через сентябрь,
Как через жизнь — тоска,
Реальная хотя бы,
Как скейтборда доска.
Вибрируешь и мчишься,
Но кажется… назад,
А кто здесь третий лишний —
Подскажет листопад!

СТИХ 12

Впопыхах всё и невзначай,
Меж бездельем и между делом…
Испиши все заборы мелом,
Приглашая друзей на чай.
Всё простится опять тебе,
И увидишь ты вдруг воочию
Тот незримый излом в судьбе,
Чтоб пойти и признаться тотчас
Даже в том, в чём не виноват,
Заготовить на случай фразу,
В жизни, мол, не соврал ни разу…
Извини и подвинься, брат.
Улыбнись и замри нарочно,
Пусть подумают, что убит…

Прочитай «Отче наш…», и Отче
Всё поймёт и тебя простит.
Ты ж, довольный, забудешь мигом
Про все клятвы и словеса,
Удивлённый вселенским сдвигом
Не захочешь на небеса.

СТИХ 13

Жизнь в Австралии очень сладкая,
А то глупые кенгуры
Мигом вымерли без остатка бы,
Не осилив такой игры.
А вот в Африке жизнь несладкая:
Там потомки фараонид
Часто тешутся беспорядками,
Революциями на вид.
То ли дело дела в Евразии,
Как сказал бы поэт — ништяк,
Все причуды их и фантазии
Прямо фэнтези или смак!
Но всех лучше в крутой Америке,
Той, что к Северу, к Югу — тож…
Оторваться бы до истерики
И в коленках почуять дрожь
От устройства их демократии,
Что прозрачнее, чем слеза.
Впрочем, сыты мы ихней шатией,
Да и братией за глаза…

СТИХ 14

Он хотел её, а она — другого
Под честное слово, а тот, другой,
Вообще никого не хотел,
Над проектом корпел.
Ему было не до… исполнения
Чьих-то хотелок, разных там свиристелок,
Пусть даже с голливудской фигурой, но… дурой.

А то бывает: он и она друг другом удовлетворены,
Но из рая удалены.
В результате — ни площади, ни работы.
Одно желание – любить друг друга,
Но есть охота — прощай, подруга!
Ушёл «на вахты»… Встретил другую.
Время потеряно впустую.
Без поцелуев…
Просто плотская, похотливая блажь:
Шахтёра уважь, потом шофёра,
Затем — монтёра и так… по убывающей
От одного к другому… страдающая.

СТИХ 15

Нобелевский лауреат, господин Пушкин,
Доживи он до наших дней,
Не писал бы к царям, не просил бы у няни кружку,
Чтобы с горя хлебнуть наливки.
Коньячку мы б ему налили,
Самой лучшей российской марки,
Звезду Героя вручили
Социалистического труда… без труда.
Заартачился бы тогда?
Сомневаюсь, чтоб драться лез
И поехал с Дантесом в лес
Драться за какую-то Гончарову.
Даю честное слово —
На дуэль его не пустили,
Записали… его в «Россию»,
Хоть в Единую, хоть в Справедливую…
В Думу его спикером… вице.
Пущай Жириновский подвинется вместе с
Зюгановым…
А не рано ли?
Он изложит в стихах Конституцию,
Вот тогда и на повышение,
А не то — жертвоприношение!

Евтушенок своих нам хватит,
Дима Быков есть и… Каспаров,
Но последний, как будто даром
В оппозиции поэтической,
По статье идёт политической
Натощак
Вместе с Ксюшей Собчак
И Илюшей Яшиным —
Они не наши!

СТИХ 16

«Сумев отгородиться от людей,
Я от себя хочу отгородиться…»
Исполнить в своей комнате музей,
Хоть память никудышная на лица.
Сумев отгородиться от богов,
Мечтаю от божков отгородиться
Хотя б десятком крохотных шажков,
Приставкой — экс или приставкой — вице.
Не главных, значит, значит, бывший — тож,
Заманчивы слова чужие эти.
— Эй, Жора, подержи мой макинтош,
Покуда я гуляю по планете.
И люди пусть меня не узнают,
А звери поджидают пусть у входа…
Какой ни есть, а всё-таки приют,
Какая ни на есть, а всё ж природа.
Забросить всё и взяться за кольцо
Своей двери, но у чужого входа
И встретить очень милое лицо,
Пусть в декабре, пусть на исходе года.

СТИХ 17

Заболоцкий сидел, тянул лямку и срок мотал,
Но сумел подняться над своей обидой,
Сумел и не выпустил из рук кристалл,
Своего рода осколок поэтического болида.

И Бродский тоже прибыл в аэропорт
После пребывания в северной ссылке
И дома не был с тех самых пор,
Когда выпустили джина из бутылки.
Это двое, а добавьте сюда всех тех,
Кто ходил под жандармским или родительским оком…
Их потом ждала слава, и ждал их потом успех
В будущем, столь прекрасном и столь далёком.

СТИХ 18

Фредерик Шопен просто джентльмен
По сравнению с нынешними жлобами.
Время перемен, времена измен,
Пора сталкивания друг с другом лбами.
Прошлое и будущее — кто кого,
Как ты думаешь — полагаешь?
Время жарких дней и больших снегов,
Ты меня понимаешь и принимаешь
Таким и только… таким, как есть,
Со всеми заскоками и закорючками.
Не сочти за хамство или паче — лесть,
Но приелась ты со своими штучками.
Слепой муэдзин — просто господин
У себя на башне, там под облаками,
Монотонен, и знает лишь он один,
Что произойдёт и происходит с нами.
А когда сойдутся лицом к лицу
Две или три воюющих армии,
И из каждой выживет по одному,
А ведь в каждой были такие парни…

СТИХ 19

Стихозы излечивают от психоза,
Выпускают пар из перегретых личностей,
А различные розы и мимозы
Только освобождают от наличности.
Ещё хорошо побывать в Испании

Или в Польше — на худой конец,
Чтобы вышла из бабы настоящая пани,
А не какая-нибудь «пипец».

СТИХ 20

Если тебя считают за дурака,
Нужно помахать кулаками слегка,
Заодно доказать своё преимущество
И право на чужое имущество.
А если за умника тебя принимают,
Умники — они чаще других получают.
Поэтому на данный счастливый раз
Бей первым и целься прямо в глаз.
А коли силёнкою ты не вышел,
Пригрози, что можешь свалиться с крыши
Семиэтажного дома…
Песенка всем знакома.
Для начала… с третьего,
Потом повыше…
И так, пока не доползёшь до седьмого…
Летишь, как пушиночка невесомая.
Впрочем, хватит с тебя и третьего.
Если успеют подхватить сетью
Или пожарным пологом
Голого.
Мечта идиота и параноика,
Завзятого алкоголика.

СТИХ 21

На меня с обложки книги
Смотрит Толя Третьяков,
Нарисованный по случаю
Осенних облаков.
С папироскою взирает
Укоризненно в упор,
Словно бы вступить решает
В очень важный разговор.

Но молчит с обложки Толя:
— Лучше книжку почитай,
А не хочешь, так неволю.
Чай, ребята, только чай!
На меня с обложки книги
Смотрит Толя Третьяков.
Он играет в высшей лиге
Отпущение грехов.

СТИХ 22

Когда осень
И блюз (Джонни Хартман),
А свои строят фанерные замки,
Понимая, что крепости могут сгореть
Или просто куда-нибудь улететь,
Подгоняемые холодным ветром.
Когда осень,
А моя знакомая журналистка
Извинялась долго,
Что стихи печатают они раз в три месяца,
Намурлыкивая что-то
Из дядюшки Джона Хилла,
Она тихо копала под мои надежды
Довольно-таки уютненькую могилу.
Когда осень
И блюз Джонни Хартмана
(Судить я о нём не берусь),
И рифму не подобрать
К такому печальному имени…

СТИХ 23

Радио «Свобода» вещает на благо народа
Теперь в Интернете, кушайте, дети!
Кушайте, кушайте — никого не слушайте,
Даже радио «Эхо Москвы».
Когда я ем, то глух и нем.
Да у меня изжога от речей немного.

Ну, ради бога, не надо преувеличивать.
В углу паук, отбившийся от рук.
Ваше Величество, наводите ужас на всё население
Своим поведением.
Говорят, вы кровь пьёте и на митинги ходите?
— Я же восьминожка,
Не могу не ходить
И людей не мутить… немножко.
Приветствую на дорожку!
Продолжаем: а есть радио «Несвобода»?
Или «Полусвобода»?
Заодно есть на бороде шерсть,
А на усах мёд
И ложка дёгтя на бочку с мёдом.
Беда с привередливым народом:
Зимнее время подавай летом,
А летом — зимнее, да чтоб не тёмное, а светлое.
Или вот пособия матерям бездетным —
Компенсация за моральное, мол, страдание,
Многодетным матерям в назидание.
Да здравствует радио «Субсвобода»!
И три чучела посреди огорода.
Да здравствует Кромвель и господин Навальный!
И у Высоцкого полоса нейтральная,
Все министры и президент,
А ещё в театр абонемент,
Где развлекаловок девертисмент!

СТИХ 24

Такая прозрачная нынче осень,
И воздух, по-моему, особенно льдистый,
А жена под это внимания просит,
Любовница требует любви неистовой.
И обе наперегонки трындят про деньги,
Дались им эти бумажки ненавистные.
Тут синицы под окнами тренькают,
А эти террористки знай неистовствуют.

И ты думаешь с ужасом про зиму,
Какая будет красота от пороши,
И, может, хватит ужимок и мимов,
Нужно бы договариваться по-хорошему,
Не покушаясь на кошелёк и нервы?
Ведь так надолго мужика не хватит…
Жена внакладе останется первой,
Да и любовница — при своём халате.

СТИХ 25

Банкир Лебедев бизнесмену Полонскому
Нанёс удар по-боксёрски справа,
Последний тоже не из Андрея Болконского,
Но ведь и банкир был без балаклавы.
А статья та же, что и «Пусси Райт» —
Хулиганство, хотя и дрались не в храме…
Минул год, и Полонский, сказав: «Ол райт», —
Отнёс заявление прокуратуре-маме,
Надеясь, что та разберётся сразу,
Нельзя же махать кулаками в эфире,
Притом безнаказанно разнося заразу,
Когда речи нет о перемирии или мире.
Мы продолжаем смешить планету…
Что до Лебедева, нашёлся Данко,
Не будет прикармливать газету
«Новую» и владеть самостийно банком.

СТИХ 26

Фанаты рубятся, трещат седушки,
Кидают файеры фанаты-гаеры…
Здесь не игрушки — идёт игра.
Игры пила визжит, кромсая
Тела… тела… Ну, чья взяла?
Судья свистит.
Свистящий пластик в ОМОН летит.
Матч остановлен… Мяч установлен
На центре поля… не Куликова…

Фанаты рубятся за гранью фола.
Ребята в деле, потом в отделе,
В реанимации…
— Украли рацию!
Фанатка-грация и та в прострации.
Нашлася рация?
— Какие твари волну украли?
— Фанаты взяли?
Фанатов взяли…
Мяч установлен… Матч остановлен.
Опять «Динамо»?
Опять «Торпедо»?
— Простите, мама,
За сыном еду.
— Забили наши?
— Забили нашим.
Фанаты-фаны… —
Все хулиганы.
— Совсем забыла:
С У Д Ь Ю Н А М-Ы-Л-О!!!

СТИХ 27

Волноваться не надо
Во время листопада —
Осенний инсульт.
Лучше телевизионный пульт –
И по миру, не покидая квартиру.
А ещё лучше погулять просто,
Не соображая «по сто»!
И для профилактики
Принимать медикаменты,
Не посещая ничьи апартаменты.
Или вот ещё — осеннее обострение
У шизофреников
И у купленных для уборки веников;
Листвы намело немного
У калитки и у порога.

СТИХ 28

Супчик — ласточкино гнездо,
Восковая свеча у гадалки,
Дорожка тёмных от росы следов,
И прошедшего лета увядающие фиалки.
Супчик, бефстроганов, даже компот,
Но если с пищей расставаться жалко,
Её немедленно отправляй в рот,
А потом скучай о лете и о фиалках.
И, жуя, думай о прелестях листопада,
О вечерней женщине в ближайшем окне…
И никакого берега турецкого не надо,
Своих берегов хватает вполне.
А если гадалка струну затронет,
Ту, которая и поёт, и звенит, —
Всё станет ясным, как на ладони,
И вместе с тобой улетит в зенит.

СТИХ 29

Антипод — анти… над,
Антифриз, рафинад,
Анти… нет — анти… за,
Но не врёт за глаза.
Анти… свет — анти… тьма,
Анти… соль — антифа.
Анти — всё не для всех,
Анти — полный успех,
Анти — полный провал,
Прямо в лоб самосвал.
Анти —полный назад,
Анти — полный вперёд,
А ГАИ разберёт:
Анти… спор — анти… лад —
Значит, всё же назад.
Анти… грусть — анти… смех,
Анти… полный успех,

Анти… АНТ — анти… МИГ,
Анти… тишь — анти… крик,
Анти … Север и Юг.
Анти… значит, — каюк!
Все отбились от рук.

СТИХ 30

Чем дальше от дома, тем ближе к дому —
Эта истина всем знакома.
Чем дальше от подлости, тем к святости ближе,
Порог страданий весьма занижен.
Чем дальше от юности, тем ближе к старости —
Такое «открытие» от усталости,
И ничего в нём нового нет.
Физкультпривет!
Всем коммунистическим пирамидам
И тем, кто старается с умным видом
Спрятать известную фигуру в кармане
И одеяло на себя тянет.
Чем дальше мы от 37 года,
Тем ближе к году иного рода.
Как нет, а вот — он у ворот —
Всеобещающий и пушистый,
Где ребята с красивыми пистолетами
И военной выправкой
Отстреливают поэтов,
Заодно и учёных с известной прыткостью.
Казнят журналистов, никого не спрашивая,
А то и студентов по пути прихватывают.
Чем дальше от классовой революции,
Тем ближе к рукоблудию и ночным поллюциям,
А люди, задыхаясь от испражнений и миазмов,
Всё чаще пребывают в густом маразме.

СТИХ 31

Всё журавли, Гомер, божественная пена,
А здесь Россия — блеклый антураж,
Там Одисей, вернувшийся из плена,
А здесь Иванушка — всех сказок персонаж.
Осенние поля — яичница заката,
И как апофеоз — трагедии излом.
Вино вдовы Клико… Да бросьте вы, ребята,
Все россказни про жизнь оставим на потом.
И как из прошлых лет подкралась незаметно
Эпоха кирзачей, эпоха холодов,
Эпоха сволочей… Куда девалось лето
И пламенность речей хулителей основ?
Скачи во весь опор, Россия, не догонишь
Уехавших от нас, их больше рядом нет…
Москва и Петербург, а где он, тот Воронеж,
Докуда на двоих всего один билет.

СТИХ 32

Тягучее время текущих уродов,
Кочующих в поисках верного брода,
Мечтающих о скоростях выше звука и света
На тихой окраине беззвучного лета.
Текучее время, досужие слухи
Среди востроглазых, среди близоруких,
Среди тугоухих и слухачей,
Среди простофиль и среди трюкачей.
Текучее время прошедшего лета:
Всё было и будет, да только в газетах.

СТИХ 33

Для меня мир — это только я,
Всё остальное только суть наитий,
Мои осколочки бытия,
Мой калейдоскоп событий.
И когда я с ними мотаюсь вкруг оси,
Между трёх зеркал в вертикальном тетраэде,
Здесь проси — не проси, мир спокоен, как
Голубая вода в тихой заводи.
Но волнуюсь я, да куда там — бешусь,
Ещё надеясь на всеобщее послабление,
А в душе моровая, всемирная грусть
И предчувствие солнечного затмения.

НЕДЕЛЯ ВТОРАЯ

СТИХ 34

У этой дамы бесконечно больные ноги,
И она вынуждена палочку иметь при себе
И всё время думать мучительно о дороге,
Чем ещё она может ногам помочь при ходьбе.
Ко всему по лестнице нужно ещё подниматься…
И тогда девичьи вспоминает она года
И летит стрелой, забывая, что ей не пятнадцать
И не двадцать даже, но всё это ерунда.
И хотя это выглядит в данный момент забавно,
Никакой босоногой девчонки в помине нет,
Но врачи провожают её до двери исправно
И всегда убегающей машут печально вслед.

СТИХ 35

Я хочу жить с тобою одним ветром,
Любоваться с тобою одним восходом,
На колёса наматывать одни километры
И жить в окружении одного народа,
Схожего с нами и отличного от нас, —
Это так просто и так сложно,
Шагнуть за порог и всего через час
Очутиться в калифорнийском кафе придорожном.
Общаться с любым иностранце сходу,
Не заморачиваясь об языковом барьере,
Поздравляя с Днём благодарения или Новым годом,

Не мечтая о выгоде и карьере.
Хочу жить с тобою одним дождём,
Одним небом или мечтой давней,
А то давай в «Слово о полку…» уйдём:
Я — Игорем, а ты Ярославной.

СТИХ 36

В государстве, кажется, свободном и честном
Я стал видеть запрещённые сны
О чём-то неформатном и неуместном,
А свои речи слышать со спины.
Причём слышать их чужими словами
И как будто со стороны.
Я хотел поведать жене и маме,
Но любовница мне говорит:
— Ни-ни…
А если бы жил я в тотолитарной
Стране и видел разрешённые сны?
Только как доказать, что ты не волк в овчарне
И не пачкал лозунгами стены?
Да, здесь есть о чём подумать срочно…
Может, лучше вообще не спать?
Но как докажешь, что бодрствуешь не нарочно,
А просто боишься впросак попасть.

СТИХ 37

Когда родители придумывают наказание
Своему горячо любимому чаду,
Они посылают его на задание,
Как в разведку, за чужую ограду.
Расчитывая, что будет ему несладко
И он станет тогда хоть чуток умнее
И будет кормить маму шоколадками,
И слезет наконец с отцовской шеи.
Но ребёнок всё понимает сразу,
Не внимая родительским пожелания и угрозам,
От соседей не желая учиться разуму,

А приводит в дом их дочь-стервозу.
То-то родственников ждёт открытие
От неожиданного, прямо скажем, фарта…
Начинается такое половое покрытие,
Что папа заканчивает жизнь инфарктом,
А мама – просто в сумасшедшем доме.
Нечего сказать — отблагодарил ребёнок,
Лучше бы занимался металлоломом
Или сбором макулатуры ещё с пелёнок.

СТИХ 38

Когда хоронили Высоцкого,
Рассказывает Любимов,
Гэбисты стали выламывать поэта портрет,
Вроде был поэт, а больше его нет.
Вынесли мёртвого из театра, и ладно.
Исполняйте свои мантры
На Ваганьковском кладбище.
А в Москве олимпиада и публика почище.
И тогда люди, возражая гэбистам,
Принялись скандировать: «Фашисты,
Фашисты!..»
И это в вычищенной, стерильной Москве,
А люди — вроде те, а то и не те,
Задавленные тоталитарным режимом...
Но в день похорон они были без грима.
Высоцкого с нами нет
Больше тридцати лет,
И людей многих нет,
А память есть — генетическая.
Здесь бессильна даже операция хирургическая.
Тогда случился грандиозный флэш-моб
И кое-кому помог
Почувствовать себя человеком.
Спасибо поэту за это.
Тогда было лето, а сейчас осень,
И народу твердят: на площадь просим,
Пока… просим…

СТИХ 39

Шахуй, атакуй, стихуй —
Всё едино, неповторимо.
А ещё блютуй, кантуй и опять стихуй!
Громогласно, но… без экстрима.
А если, ребята, простым матом?
Для этого нужны свои причины,
И, пожалуй, веские.
Словеса-то довольно резкие,
Как баран без овчины
Нецензурный — фиг вам!
По полям, по долам
Ходит этот кафтан-дилетант.
Говорит: «Жизнь —обман…»
Для него — да! Жить дали,
А потом изъяли.
«Давай на шашлык, старик,
А шубу оставь — пригодится».
Вот такие слова и такие лица…
Зовите полицию!

СТИХ 40

Если б знал, что последняя,
Не писал бы стихов.
Если б знал, что последняя,
Не имел бы грехов.
Постоял бы в передней я
У природы больной.
Эта осень последняя…
Что ж, пора на покой.
Эта школа — не соседняя,
И отсчёт здесь другой.
Если б знал, что последняя,
Не расстался б с тобой.

СТИХ 41

Апостол Павел сказал,
Что власть священна и неприкосновенна,
Потому что божественна непременно.
Мы должны любить власть,
Чтоб в грязь лицом не упасть.
А кого власть должна любить
И кого бить?
Но не забывайте — бьёт, значит, любит!
Ну, слава богу,
Разъяснили намного... – людям.

СТИХ 42

Меня удивляет выражение «Бумажный солдат» —
Бумажный — почти картонный,
А если солдат влюблённый, тогда как?
Так не бывает!
Обязанность солдата – быть готовым
Кого-нибудь убивать.
А разве не убивают из-за любви?
Убивают — бывает,
Но из ненависти — чаще,
А ещё попадают в Кащенку.
А как же солдат бумажный?
Ему не положено быть отважным.
А оловянным — может?
Оловянный, да. Только и с этим теперь беда —
Цветмет у пруда. И тебя сдадут скорей,
Чем посадят на кораблик ничей,
Или бросят в камин.
Солдат всегда один.
Потом слышим — ограблен банк
Несколько раз подряд,
И всё наш солдат.
Наверное, решил стать золотым,
Но собрал только бумажные купюры…
Сдуру.

Так и остался бумажным
Наш солдафон отважный.

СТИХ 43

На вкус и цвет — товарищей нет:
Тебе омлет, а мне винегрет.
Куда полез? Зачем в буфет?
Шеф-повару большой привет!
На вкус и цвет — врагов нет:
Тебе — омлет и мне — омлет,
Вам — винегрет и нам — винегрет
На завтрак и на обед,
А ужин отдай врагу,
Желательно овощное рагу,
И враг исчезнет, не оставив следа
От такого блюда… господа.

СТИХ 44

Чарльз Дарвин — биолог и поэт —
Предложил миру поэтическую доктрину:
Выживает сильнейший, а силы нет,
Подставляй сильному свою хилую спину.
Предоставь сильному свою жену,
Если её прокормить не в силах,
Тот, первый, прокормит и не одну,
А тебе она скажет: «Гуд бай, милый!»
И эта доктрина не ерунда,
Она подходит всем сильным мира
Сего, а церковь, как же она?
А что церковь, если однокомнатная квартира,
И ту боишься ты потерять…
Но Бог — он любой доктрины выше,
И только ему одному под стать,
Чтобы ты стал богаче, сильней и выше…
Вот и у наших ребят дилемма:
Сильный прав или Бог правее,

Инталия или камея — всё равно гемма…
Амулет или украшение — лишь бы красивее.

СТИХ 45

В дни поражений и побед
Старуха лезет в Интернет,
Желает знать она сполна:
Кто и какого там рожна…
Ведь бабкин внук — солдат страны,
Он с берегов родной Чуны
Попал на Северный Кавказ,
Где и находится сейчас.
Он спать спокойно не даёт,
Старушка ночью бой ведёт
И утром думает о нём,
А также вечером и днём.
Её бы вместо Сердюкова
Немедля посадить сейчас,
И мигом был бы наш Кавказ…
Её любили бы солдаты:
Сынки, внучки — её ребята,
Медведев ей бы руку жал
И в Кремль пригласил на бал,
А за усердие такое
Вручил бы там Звезду Героя.

СТИХ 46

Говорят, мумиё разжижает кровь,
Разжижая кровь, расслабляет тело,
Но если использовать неумело,
То можно в эфир превратиться вновь.
Уйти в то вечное небытиё,
Где ни друзей, ни врагов в помине,
Одно лишь чёрное мумиё,
Черней, чем души друзей в совмине.
Уйти, подумав, что смерть пришла,
Но ты её обманул на взлёте,

Отвёл, как ряску, крылом весла,
Как петлю — саблей на эшафоте.
А можно просто не поседеть,
Не полысеть и не обеззубеть,
Покрасить остатки волос под медь,
Чужую девушку приголубить…
И бесконечно трындеть: бу-бу,
Как музыканты в дыре басовой —
Всё морабу да Молибу…
Профукать жизнь и начать по новой.

СТИХ 47

Доллар на сегодня — тридцать девяносто пять,
Евро — сорок девяносто восемь…
Кажется, валюта… того опять,
Но пусть об этом заботится тётя Фрося.
У неё в подушке — свой Сбербанк,
И она внимательно следит за курсом.
О её слабости знает лишь внучонок-панк,
Но у того свой интерес — фьючерский,
И ему за курсом следить не нужно
На момент сделки со своей совестью,
Между одним романом и другой повестью…
Теперь дождаться лишь смерти бабки,
Он не Раскольников и убивать не будет.
— Умрёт старуха, и заберу бабки, —
Соображает, поглощая бабы Фросины пудинги.

СТИХ 48

Все мировые стихи о любви —
Это послания к шекспировской Джульетте,
А у нас в горах, сквозь тумана слои,
Проглядывает образ прекрасной Йети.

Эта мадонна неуловима пока,
Хотя не испорчена кастингом точно.
У следопытов трещат бока,
Как лёд весною в трубах водосточных.

А наша блоковская незнакомка
Бродит, в россказни про себя не веря,
И у всех блогеров начинается ломка,
Если не слышат о ней неделю.

Вдруг где-то выглянуло мурло
Из чащи леса с похожим фейсом,
И все бросаются как за Беренис Марло —
Девушки последнего Бонда Джеймса.

Вот бы Шекспира подать сюды —
Почище прежней драмы получится,
Да пока от Йети одни следы
Нам попадаются лишь от случая к случаю.

СТИХ 49

«Тому, кто уклонился от службы в армии,
Не светит служба на госслужбе».
Усмехнулись крепкие и здоровые парни,
Сыны чиновьичьи:
— Отмажут по дружбе,
А там, — продолжают, — поживём — увидим.
Земля, приятель, она дюже круглая,
Но, думаем, всё будет в лучшем виде,
Ведь наши папаши — те ещё зубры.
Но если комментировать все инициативы
Депутатов всех уровней, стихов не хватит,
Тем более многие из них червивы —
То есть вирусов нахватались в палате.

СТИХ 50

«Час в час, минута в минуту — «Эхо Москвы»
Почему-то?
Сюрреализм картины мира
И реализм голубой плотвы —
От Амура и до Литвы.
Всё-таки дом — не просто квартира,

А пространство «Эха Москвы».
Пространство храмовое для «Пусси Райт» —
Пространство Трульского и Лаодикийского соборов.
Только в нашем обществе другая печаль
И другая недога,
Пространство отрицания единого Бога,
Остальное — ол райт!
Собаку рвало в здании суда,
И бомбу туда якобы подложили…
Отголоски «Эха…» доходят сюда
Про то, как девушек не выводили,
Не разрешила строгая судья
Покидать при поиске бомбы здание.
У неё своя, судейская, стезя
И своё, внесудебное, задание.
А у девушек свои катакомбы…
Но, как говорится, Бог им судья.

СТИХ 51

Весь мир насилья был разрушен,
И больше богатых НЕТ,
И Бога нет, и бедняков нет…
Скукота — появился Бог
И привёл за собой богатых,
Безусых и весьма усатых,
А ещё нарисовалась мысль —
Наверно, схожу с ума,
Уходить не хотела сама,
И сказал я ей: «Брысь!» —
И она не спеша ушла,
Но остались тюрьма и сума,
И остались такие слова:
«С нами Бог и Россия».
«Гот мит унс» — на пряжке ремня.
Но это уже фигня.
С этим разобрались —
Отвяжись, мол, худая жизнь.

Вспомнился «Интернационал»,
То есть… с чего начинал.

СТИХ 52

Как жаль — Энди умер,
А кого не жаль, когда умирают,
Только тварей последних?
Но у Бога любимчиков нет,
И золотой голос Америки,
Говорят, умер на склоне лет.
Энди Уильямс, передавай привет
Нашим: Кристалинской и Ободзинскому,
Надеюсь, поймут твой английский.
А наш «золотой голос» поёт не баско —
Николай Басков,
А может, я ошибаюсь,
Я Лемешевым восхищаюсь,
А ещё Козловский Иван.
Вот кому был голос дан…
Вот бы каждый так пел и жил,
А не вил бы «фанерой» жил
И гитару не щипал за бока…
Энди Уильямс, пока!

СТИХ 53

Девочка обнаружила у себя бёдра
И тут же сфоталась в нужном ракурсе,
А у другой оказалось — хорошая грудь,
Но это если вывернуться наизнанку чуть-чуть.
И гуляют их фотографии,
Пришедшие по входящему трафику.
Только я не скажу, что стервы,
Просто обыкновенные Иры и Светы,
И даже вполне одеты.
Хотя для чего Интернет,
Если ты в нём одет?

СТИХ 54

Группа крови — первая,
Высокий гемоглобин,
Зато средний сахар и билирубин,
Свёртываемость низкая.
Амба, кажется, смерть близка,
И все близкие посматривают свысока
Своих молодых и цветущих лет,
Сводящие сострадание на нет:
В родове мужиков много,
А этому — туда и дорога,
Пусть вымаливает у Бога
Себе везенья и здоровья немного.
Вымолил или нет — молчание в ответ.
Дорога ТУДА — прямая,
И возврата обратно не жди…
Останутся за поворотом
Все ветра твои и дожди,
А значит, доживай идиотом.

СТИХ 55

Писать о любви к тебе — блажь и чушь,
Захотелось уехать в такую глушь,
Куда городов не доходит свет
И смерть не приходит на старости лет,
Где дети мудры и мудры старики
На белой окраине жёлтой реки.
Природе осенью снится весна,
А зубному врачу — гнилые зубы,
Побольше зубов и больная бесна,
И ещё у каждого резиновые губы.
Пока ж на окраине нашей зима,
И врачи удивляют своим коварством,
Природа — всезнайка и лечит сама,
Прописывая людям свои лекарства.
Для этого только нужны лыжи,

И нет нужды записываться на приём.
Она, правда, не лечит грыжи,
Грыжи лечит мороз и инструмент при нём.
За такое приглашение вам спасибо.
Как здесь чисто и как бело…
Выбирайте — либо лечиться, либо
Сразу садиться на помело.

СТИХ 56

Я разрешил себе похулиганить,
Садиться, не спросясь, в чужие сани,
Себя позволил обложить я данью
И, как Есенин, стал скупей в желаньях.
Осталось на коне мне проскакать
И матери-старушке написать.
Я на коне, конечно, проскакал,
Как самый натуральный аксакал,
А матери стихов не написал,
Пропал литературный мой запал.
Запал пропал, а мама умерла…
Такие вот нечётные дела.

СТИХ 57

Приснился сон, что умер я, но жив;
Как хоронить меня распоряжался
И почему-то больше всех старался,
Хоть от природы я весьма ленив.
Наказывал с бумажками быть строже
И без причины не хлестать по роже,
Когда бы в чувство стали приводить —
Раз умер, значит так тому и быть.
Настрой хороший и хороший сон,
Ни капельки не грустным вышел он.
Оборван, правда, был на полуслове,
Да в снах такое, кажется, не внове.

СТИХ 58

Любил обличать других,
Любил выручать чужих,
Шутов выручать и шутих,
Одетых или нагих.
Потом появилась боль —
Извечной нужды юдоль.
И словно на рану — соль,
Насмешкой твоей — изволь.
Выходит, и я должник…
К дверному глазку приник,
Душою и телом сник…
Доходов имею — пшик!
Не нужен я стал чужим,
Не нужен я стал своим,
Не нужен я стал тебе
В несчастной своей судьбе.
Никто меня не просил,
Водою не напоил
И хлебом не накормил,
Я сам стал себе не мил.

СТИХ 59

Без рук и ног, а ворота отворяет,
Без головы, а всё же с горы съезжает,
К тому же беда — настырный очень,
Если что решил — день и ночь хлопочет.
А спросите: «Зачем ему это нужно,
Если хлеба кусок — весь обед и ужин?»
Таковы дела, ну всё же, всё же —
На кого сей ферт может быть похожим?
Может, это дух или привиденье?
Ест хлеб, а Карлсон — жрёт варенье
И старух пугает по чужим квартирам,
И забот не знает в общении с миром.
Хотелось поверить, что это ветер,
Тот самый, блоковский, «на всём белом свете…»

Но хлеб и Карлсон, что за дилемма,
Прямо скажем — неразрешимая проблема.
Так будем считать инвалидами духа
Мужичин здоровых от пяток до уха,
Работать не хотящих,
Весьма ледащих,
Поперёк путей, как всегда, лежащих,
Против ветра плюющих,
А по ветру ссущих
И почти беззаботно
Свой крест несущих.

СТИХ 60

Когда срывает крышу ветром —
Это ещё обьяснимо как-то,
А вот когда на двадцатом километре
Голосует девчонка на Чуйском тракте?
Весьма симпатичная, в городском прикиде.
Ты не понимаешь, почему в обиде
На весь мир такое милое созданье,
Словно голосующая людям в наказание.
Вы меня выпустили на трассу эту,
И теперь мотаюсь я по белу свету,
А ведь вполне могла стать женой и матерью,
А не лезть в кабину к мужикам старательно.
Дальнобойщик берёт себя за голову
И видит не дорогу, а девчонку голую,
Не девчонку вовсе, а как бы свою дочку,
И ставит в своей жизни
Последнюю точку.

СТИХ 61

Страна, и где он твой мессия,
В каком он нынче месте жжёт?
«Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ…»
И вы, омоновцы крутые,
И ты, затюканный народ…

СТИХ 62

ИГОРЮ З.

Здорово, Игорь, мы в жизни прежней
Встречались редко … и не узнал.
Тогда был душка товарищ Брежнев,
Теперь совсем иной аксакал.
Человек другой и система другая,
А люди те же — голова к голове —
Все по ранжиру от края до края,
Удивительно наивные в своей простоте.
Нет, конечно, кое в чём кумекаем
И даже показываем коготки
И всё же остались подневольными человеками,
Изнывающими от фарисейства и тоски.
Ты теперь служишь в правильной газете,
Не строишь, пусть личных, но баррикад,
Скорее всего, что выросли дети:
Вынянчил, выкормил и… законно рад...
Помалкиваешь о системе такой уродской,
Поругивая шефа своего за глаза…
А как же стихи и Иосиф Бродский?
— А что Иосиф? Он был только ЗА.
Правда, выслали его тогда за границу,
И меня бы так же, в капиталистический рай,
Не задумываясь отвалил, чтоб мне удавиться,
И долдонил за всеми, точно попугай.
Ладно, Игорь, прошла запарка,
Поговорили как надо и от души
Мы в пустынной аллейке осеннего парка.
Разошлись, не подумав: «Сухари, мол, суши…»

СТИХ 63

Я знал человека, господина хорошего,
Взгляд вполне приветливый и тепла рука,
Только я запомнил, отец его тоже,
Как и многие прежде, служил в ЧК.

И сынок сначала не стыдился даже,
Говорил открыто, глядя свысока,
О каких-то бандах, погонях и кражах,
Что он сын чекиста и пойдёт в ЧК.
Но потом всё чаще о делах расстрельных
Вдруг заговорили, дрогнула рука
И похолодела… «были, мол, отдельные…»
Только я-то помнил, кто служил в ЧК.
Самому герою расхотелось как-то
На стезю отцовскую заходить пока…
Получил дипломчик и подался в шахту.
И забыли многие — кто служил в ЧК.
Все они почётные гражданки и граждане,
Бабушки и дедушки под улыбкой «чиз»,
Только единицы помнят, как однажды
Паренёк похвастался: «Мой отец чекист».

СТИХ 64

Ранняя осень, на клумбах — тоже
Блекнут цветочки, и только: «Ах,
Как вам нравится и на что похоже?»
Растение это «Снег на горах».
Непонятливые спрашивают:
— Да мы про это… —
Вопрос наивный навяз в зубах, –
При чём здесь осень, такое лето,
А вы всё твердите про снег на горах.
Объясняю для особенно непонятливых,
Объясняю на совесть, при чём здесь страх?
На солнце тоже бывают пятна,
А на клумбе растенье «Снег на горах».
Молочай окаймлённый, цветёт который,
И своим всем видом объявляя шах.
Вы привыкли к примулам в своих конторах,
А это, знаете ли, «Снег на горах».

СТИХ 65

Случайная любовь
Следами на песке
Случилась и прошла
Уже давным-давно,
Да видно не совсем.
Как жилка на виске,
Пульсирует и в памяти
Осталась всё равно.
Случилась и прошла,
А может, где-то сын,
А может, где-то дочь…
Ты маешься один.
Ты мог бы им помочь.
Случайная любовь,
Случайной связи нить
И манит, и зовёт,
И помогает жить.
Уже который раз
Ты думаешь опять:
«А может, позвонить,
А может написать?»
Всё… а, да… а, да… а,
Всё и… всё… и, всё… и —
Забытые слова
Случившейся любви.

СТИХ 66

ПАМЯТНИКИ КРАСНОЯРСКА

Площадь Красноярского ж/д вокзала,
Посредине «Александрийский столп».
Только питерский с ангелом, у нас — лев с лопатой,
Наверное, чтоб каждый работать шёл.

Здесь, в Сибири, накладно не работать,
Замёрзнешь напрочь, вот беда бомжам,

Так что нечего строить из себя идиотов;
Покопал лопатой и в здании полежал.

А копать в Красноярском крае есть что:
В Норильске — никель, уголь — в Бородине,
А не хочешь копать — разноси почту,
Пока телеграммы не забегают по спине.

Лев патлатый — это образ, конечно,
Есть мужик с зонтиком — Поздеев Андрей.
Мёрзнет на проспекте зимой, сердечный,
Хотя он бронзовый и ему видней.

В конце проспекта — командор Рязанов,
Этот, как и лев, тоже на столбе,
Он у филармонии обливается слезами —
Не музыкант вроде, а вот поди же тебе.

А ещё Дубенский — ни мэр, ни губернатор,
Но тоже, как водится, государев слуга…
И вот благодарность, стоит, как оратор,
Мужик в кафтане — бронзовые бока.

Полагаю, на памятники не будет голода,
В Красноярске есть два мужика в пальто:
Один — Ленину — стоит посередине города,
Другой — Астафьеву, и оба — не то…

Последний на земляков обижен очень,
Вполне сердитый, исподлобья — взгляд,
Ленин от крайкома отвернулся, впрочем,
А Астафьев… не знаю, почему не рад.

Памятник Пушкиным слегка шокирует,
Неужели в ссылку, да только за что?
На всякий случай сфографировал…
Оба весёлые и без пальто.

Адам и Ева у Технологического —
Голые таёжники, лесной универ…
Сырья не хватило на одежду синтетическую,
Вот в Китае одели б, нашим не в пример.

А ещё есть фигурки весьма специфические,
Да с чего бы в городе лезть на столбы?
Аполлон с Купидоном — не политические,
Однако забрались, разлысив лбы.

И, конечно, нам нельзя без пьяницы
И без фотографа, ну никак нельзя.
Выпьешь — запечатлеться тянет
И опохмелиться тянет, друзья.

Да ещё о девушках сказать не мешало б:
На театральной площади одна стоит,
Скромная, как побирушка у вокзала,
Собралась на оперу, и такой вид?

Другая быку на загривок села,
Говорят, студенткою когда-то была.
Вообразив, что олигарха оседлать успела,
Голышом, такие-то, брат, дела.

О многом ещё не успел рассказать я;
Какие-то лошади, сантехники и коты,
Суриковых четыре, ссыльные, как братья,
Музыканты бременские, в основном — скоты.

Арлекин, Коломбина, а что — законно.
Пёс блохастый, путинские журавли,
Бумажная «десятка» — весом в тонну.
Икар, не могущий оторваться от земли.

А за городом, на площадке, есть Царь-рыба,
Поболе «десятки» — я там был.

Самосвал в Дивногорске с бетонной глыбой?
И Астафьев с женою в Овсянке застыл.

Вот гляди, побродить пришлось по свету
Красноярскому, и скажу ещё вам:
Памятников тьма, а губернаторам — нету,
И путанам — нету, и учителям.

Одни высоко, другие низко, братцы,
Подходи к пьянице, обнимись, и всё тут,
А к Рязанову полезешь на столб обниматься
И к Дубенскому — тоже, в полицию сволокут.
P.S. И… лучше помолчу —
Ни одного — врачу,
Даже около медакадемии,
Хотя с памятниками у нас эпидемия!

P.S. — 2. Красноярцы почитали, исправлять бросились —
На Театральной девушек много, а не одна…
И врачу есть — Войно-Ясенецкому —
Признаю, ребята, моя вина!

Только проколоться тут очень просто
И с ума подвинуться немножко — того,
В краевом центре, говорят, их за сто,
А у нас, в Абакане, с десяток всего.

НЕДЕЛЯ ТРЕТЬЯ

СТИХ 67

Леонид Мартынов — прекрасный поэт,
Стихи писал помоднее новых,
Молодых, стихотворцев. Его уже нет,
А у нынешних вирш его стихов основа.
«Не помню где —
Кажется, на Страшном суде, —
Я видел девушек, одетых по самой последней моде
И Господь Бог
Судил не их, а их жестоких судьих,
И приговорил их одеваться по самой последней моде
И отказаться от мопсиков на комоде,
А также от стоптанных каблуков,
Ныне и присно и на веки веков».
Вот так и теперь, 46 лет спустя,
Девушек судят,
А судьихи думают избежать Божьего суда,
Откупиться, наверное, от Господа Бога,
И не носят стоптанных башмаков,
А считают людей за дураков
И полагают, что сами застрахованы от острога.

СТИХ 68

А осень — это вполне серьёзно,
Когда достают и шарфы, и перчатки,
Когда по утрам уже морозно,

А ночи играют с нами в прятки
Или в чёт-нечет, то — минус, то — плюс,
Ребятня во дворе играет в прятки,
И у одного из них, кажется, флюс.
Да пусть отдыхают, по новым программам
Учиться не очень… «Вылазь из «Твиттера», –
Психуют дома отцы и мамы,
Деньгу выкраивая на репетиторов,
Ты ещё маленький… торчать в «Фейсбуке».
Сидит «В Контакте» и в «Одноклассниках» —
Социальные сети – ерунда для науки,
Лучше бы в электронке почитал классиков.
Представляете, Лев Толстой,
Который сто лет назад уже умер,
А может, «Чёрный обелиск» или «Люмен»?
А то вот ещё «Токио-отель»…
Представляешь, мэм, как прикольно это?
Мама представляет и бредёт в постель,
Бормоча что-то про конец света…

СТИХ 69

Заросли татарником откосы,
Караганой заросли поля,
Не звенят затупленные косы,
Не родит забытая земля.
Земляки забросили работу,
В цену входят конопля и мак,
И относит семена осота
Ветер вместе с пылью в полумрак.
Что-то перестали птицы тенькать,
Быстро ночь съедает пестроту,
Лишь огни забытой деревеньки
Смотрят близоруко в пустоту.

СТИХ 70

Весь Интернет отборным матом
Забит по случаю, ребята:

Скончался Паша-Мерседес,
В народе шухер до небес:
«С таким министром обороны
Мы враз Россию провороним», —
Так это он откинул кони,
Известный всем Аника-воин,
А ведь когда-то слыл волком
И Грозный «брал» одним полком,
А так же, как держал стакан,
Он брал Россию и Афган.
Хоронят Пашу-Мерседеса
Без шума и без интереса.
Без белых тапочек? Угу.
Хоронят в цинковом гробу?
Хоронит Павлика родня,
Вокруг царит одна херня…
А если Пашу в Мавзолей
Задвинуть, чтоб стращал людей?
Пусть рядом с Лениным лежит,
Дух коммунизма сторожит,
А чтоб воскреснуть — так негоже,
У нас на Ельцина надёжа,
Хотя, похоже, что и тот
Для Паши больше не оплот,
А ведь когда-то бандерлог
Порядком Ельцину помог.
И вот ушёл в расцвете лет
Военно-полевой клеврет.

СТИХ 71

В здании детсада, ныне автовокзала,
Открылась закусочная «Экспресс»,
А на окраине города без скандала
Открылся берёзовый лес.
Ни мэра города не уведомнули,
Ни председателя горсовета,
Собрались неорганизованные мамули

И открыли, как открывают планету.
То-то радости было у всяких «лапушек»,
Скамеек туда натащили вроде,
А к малым детушкам — старых бабушек,
Пусть купаются в кислороде.
Обесцвеченные старухи в прострации и наитии
Возвышают голоса до небес,
Но зато довольны даже обеспеченные родители…
А закусочная «Экспресс»
Превратилась в рядовую забегаловку,
И теперь с «детсадом» никаких чудес,
Одна нахаловка с тёмными личностями и без…

СТИХ 72

«Недолго музыка играла,
Недолго фраер танцевал…»
Пока рабочий на орала
Меч звонкий перековывал.

Потом он спохватился всё же
И из остатков нож сковал,
Жить без оружия негоже,
Пока сердит врагов оскал.

Сковал и тут же на буржуя
Решил подняться без проблем:
«Весь мир раздену и разую,
Но хоть ты тресни — стану всем…»

СТИХ 73

Как можно здесь, в краю холодов,
Зимой встретить девушку-птицу:
Пальто на ватине, горячая пицца,
Кафе не кафе, а банно-прачечная…
Парит и холодом по ногам шпарит,
Нищий с делано-горьким видом
У себя в кошельке пустом шарит,

Попрошайничает и ползёт с инвалидом
Пить «шартрез» — зеленоватый напиток,
Или проще выразиться — «шмурдяк».
Но и тот не дают за так,
За красивые глаза бомжа:
Водянистые и слезящиеся такие,
Как жидкость из-под полы…
Мокрые кафельные полы,
А вот и она — жар-птица;
В пальто на ватине и с куском пиццы…
Говорит: «Люблю», — и не понять кого,
То ли спутника своего,
То ли эту кафешку,
То ли пиццу и флэшку в другой руке,
На 32, объясняет, гига…
Нифига!
Видать, та ещё «птица»,
Кричащая через стол: «И мне налей
Со своего тейк-хоум-пэй!»
А публика у телевизора:
— Шайбу,
Шайбу!..
Го-о-ол!!!

СТИХ 74

В Осаке учредили специальный банк
Для организации детских садов на дому…
Не пойму — такая страна
И какого ж рожна?
Значит, земли для садов этих мало,
Землетрясения и обвалы,
Опять же цунами…
Ну да ладно, решайте сами,
И нефиг устраивать саммит
По такому ничтожному поводу
Или ходить с транспарантом по городу:
«Верните Северные территории!» —

Их-то не требуйте, и тем более
Не учите вы нас истории.
Знаем мы и про ваших айнов,
И про харакири — проходили,
И уж тем более про камикадзе.
У нас тоже был Сургуладзе,
Воевал когда-то в Сибири,
Камикадзе — отстреливал беляков и интервентов,
Экстравертов и интравертов.
— А при чём здесь Сибирь?
Как же, у нас тоже детсадов не избыток,
А детей прибыток… собак-ка!
Особенно за материнский капитал.
Аврал, пацаны, аврал!
— Хоросё, хоросё, аврал!

СТИХ *75*

«ДУХОВНАЯ БРАНЬ»

На московском «Винзаводе»
Проводится выставка «Духовная брань»,
А какую ещё выставку там предложите размещать,
Может, «Бездуховную» или «Площадную брань»
Или какую-нибудь «Алкогольную срань»?
А на каком-нибудь Энском конезаводе
Сварганить выставку «Лошадиная дрянь»?
Всё чин чином, и кипятятся зря
Культурные служители культа
И малокультурные прихожане.
Вот Есенин «весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне»
И мимо первой, и мимо последующих выставок,
Мимо устроителей и мимо выскочек.
Он бы ещё тридцать лет скакал,
Если б в свои тридцать в капкан не попал…
Его Всевышний к себе забрал,
В неведомый нам астрал.

СТИХ 76

«ПИСТОЛЕТ У ВИСКА...»

Пистолет у виска — а ты думаешь снова, смеясь,
Что завтра будет хороший день,
А сегодня дождит и грязь.
Пистолет у виска… и руки за спину,
А ты знаешь, что бадминтон отличная игра…
И если б не: «Руки назад», — то уже пора,
Пора выдвигаться на первые места
И делать того, кого ты из себя представляешь.
Понимаешь?
Попробуй обидеть меня,
Я утро вчерашнего дня,
И я ещё не случился,
Хотя времени осталось мало… Мама!
Вспомнил, почти через двадцать лет,
О твоём наказании в маленьком хрусталике,
Почти шарике, — глаукома.
Это когда все дома,
А ты и не подозреваешь, что дома — нет,
Зато есть обед за ларьком, у контейнера,
С тремя бомжами… Что, убежали?
Как жаль, наверное, подумали,
Что я их сдам собачнику.
Ну, зачем они заводчику собак,
Только если на них собак науськивать?
Ерунда, они всё-таки люди…
А сегодня заката не будет.
А будет бутылочка рома или кефира —
Чего умыкнём, вот видите, теперь все дома и…
Пустая квартира.
Давайте поиграем в прятки.
Чур без подлянки и без подглядки…
Давайте научимся выть и лаять,
Авось пригодится…
Какие постные лица,
Какие потные руки…
Ну, погодите, суки!

СТИХ 77

– 1 –

Мышиная возня мышиных королей,
Перфоманс без конца у голубых кровей,
У кровель и кролей. А кролем-то быстрей.
Вот Кромвель был грозой английских упырей.
А если б Мавзолей — до первых мозолей.
Кровавых мозолей бессовестности всей.

– 2 –

Уже не больно, но уже не смешно —
Ублюдочное состояние,
Когда и смеяться, вообще-то, грешно,
Когда тебя вскоре грозятся забанить,
Уже не смешно. Занавесь окно —
Заглядывают любопытные прохожие…
И в комнате резко запахло весной,
А книжные полки стали на облака похожи.
Пятясь, из тела уходит боль,
Она ещё способна извиняться и кланяться,
У неё свои задачи и своя юдоль,
Зато у соседа — персональная дача.
Теперь про такое забыли уже
И лезут безо всякого в гости или в свидетели.
Только как их хочется вытолкать взашей,
Таких друзей и таких радетелей…

СТИХ 78

СНЫ УЧИТЕЛЯ

Учителю школьному снятся сны,
Все из прошлой жизни, тоскливые очень:
То лозунги разные — от стены до стены,
То город, где он не был ни разу, — Сочи,
То казённый директорский кабинет
Или скучная классная комната…
А дети не снятся, и родители — нет,

Почему — не знает, снится бритва опасная
И шеи белая полоса,
А по ней — красная и какая-то бумага,
Ещё снятся приглушённые голоса:
— Ну, вот и отмаялся, бедолага…

СТИХ 79

Осень. Начинается борьба с инфекцией.
Самый главный требует:
— Прививаться надо!
— Соблюдать правила ПДД! — призывает инспекция,
Остальные хором:
— Не выходить за ограду!
— И пить побольше китайского чая, –
Советуют продавцы китайских магазинов.
— Да нет, извините, причина другая,
Нужно мандарины употреблять корзинами, —
Это уже беспокоятся друзья-абхазы.
— При чём здесь мандарины, если лютуют вирусы,
Начинать корками натирать заразу?
— А что советуют нам папирусы?
Инопланетяне, посещая когда-то планету,
Чего-то завещали, собираясь в дорогу…
Фараоны с собой унесли тайну эту
И теперь выпускают в мир понемногу.
— Они оставили, а болеют дети.
— Не скажите, и у взрослых горячие лбы.
— Во всём виноваты и те, и Йети,
Снежные человеки — баловни судьбы.
Чего им бояться, первобытным, простуды?
Так они босиком бегают по снегу…
— Вот видите, какие паскуды,
Пора и себе заниматься бегом.

СТИХ 80

Я – ОДИН?

Я — один, жена у соседки. Я — один.
У сына электрические станции и свой сын.
Я — один, и ночь, подозреваю, — одна,
Хотя нет, вру, у ночи — луна
И электрические провода,
От которых зависит сын.
Всё переплелось, а я — один.
Даже тишина не одна,
И город за окном не один,
Впрочем, и я не один.
Жена пришла, тоже, говорит, одна.
Теперь нас двое…
Чей-то пёс на дворе воет.
Сам себе господин…
Один.

СТИХ 81

Вызвездило. Прояснило, и на лике луны
Стали почти не видны пятна.
Тебя художник рисовал со спины,
Экстравагантно, но малопонятно…
Казалось, ты здесь и тебя уже нет;
Ни тебя, ни окна, ни стены у дома,
А на диске луны чей-то силуэт,
До боли близкий и обезболивающе знакомый.
Сейчас всё бросить и к тебе… на Луну.
Где вы, Уэльсы и Жюли Верны.
Ни к чему ракета, проще — струну
Оптико-волокнистую или волокнисто-нервную.
Художник исчез, и тебя давно нет,
А я булгаковским Иваном Безродным
В проёме окна ловлю лунный свет,
Хотя и ловец из меня негодный.
Темнеет небо, светлеет луна,

И время, как водится, ушло безвозвратно…
Уже вместо окон сплошная стена,
Но всё проступают на ней какие-то пятна.

СТИХ 82

Люди носятся вокруг Солнца
День за днём и за годом год…
Кажется, ещё лет двести пройдёт,
И люди заговорят на простом языке
Травы, которая растёт на песке,
Деревьев, которые растут в горах,
И словам этим вольно будет на губах.
Но люди помнят, что на закате жизни
Им были обещаны катаклизмы,
Сдвигающие горы и города.
Не случилось сейчас, а случится когда?
Нужно изучать календарь майя.
Индейцы лучше других знают
На нашей планете
Про заморочки эти.

СТИХ 83

«Эволюция бизнеса. Выгода до 75 тысяч —
Экипируем команду любую,
Сборную города по фэн-шую».
«Всё для ремонта — без понта» —
Всё для блага людей, человека…
Инструмент столярный, монтажный пистолет…
Всё есть, а работы — нет!
Работы пропал след.
«Всё честно, не врём ни разу —
Есть баллончик с угарным газом,
Незаменимое пособие на старости лет,
Есть благотворительный обед…»
Всё есть, а работы — нет.
Работа только до тридцати одного.
О-ГО-ГО, а если тридцать два?

Чёрта с два. На обед трава,
Диабетическая и очень полезная.
— А нельзя ли котлетку, любезная?
— Нет, нельзя. От мяса болит голова
И мёрзнут ноги… у многих.
— У осьминога?
— Даже у жирафа.
Кстати, очередь сейчас не ваша,
Папаша!

СТИХ 84

Ребёнок с нечесаной бородой —
Такое бывает, бывает такое,
Четвёртый день не выходит из запоя,
А ночами не пьёт, басурман седой,
Не пьёт — жену бьёт.
Всё как у всех и как положено,
Только общество, значит, слегка встревожено:
— Какой-то моральный урод,
Почему днём-то не бьёт?
А днём он пьёт!

СТИХ 85

Проза, рифмованная через колено,
С эпитетами, подобранными как попало,
Заведёт в тупик непременно,
Как девицу ведут на альков сеновала.
И такая дива, потеряв невинность,
Будет бросаться на кого попало
И нести, как некоторую повинность,
Бремя страсти вымученно и устало.
Поэзия с метафорами, как слоновьи ноги,
И размером через пень да колоду
По жизни бредёт, не разбирая дороги,
И суётся в воду, не зная брода.
Поэты, опередившие чужое время
И заговорённой отведавшие микстуры,

Взваливают на себя такое бремя,
Что не вынесет никакая литература.

СТИХ 86

Поля, заросшие сорным вязом,
Фиолетовые в настоящее время,
Являются тем секретным лазом,
Ведущим к лицам без роду и племени.
Там на обочинах стоят, как здания,
Души нехристей с пустыми глазницами,
Знающие обо всём заранее,
Отсюда и неинтересные лица.
Земля моя накопила прилично
Добра и зла безо всякой меры.
Вернулся бы Некто удостовериться лично
И принял бы гамузом нас в пионеры.
А потом рассказывал третьим лицам,
Какие доверчивые ребята,
Готовые посвистывать, как синицы,
И работать молча, не получая зарплаты.
Ещё чуть-чуть и не хватит силы
Предъявить счёты нашей элите,
А те протрут для киселей и подливок
Нас через жёсткое и мелкое сито.

СТИХ 87

Октябрь. Осень надломилась,
Играла музыка в саду,
Могло… и всё же не случилось,
На радость или на беду.

Осенний дождик кособокий,
Подобно вальсу, наплывал
И лета бабьего все сроки
Настырно в сторону сдвигал.

Мы понимали — осень это,
Вот вам дожди и холода,
Но так душа просилась в лето…
Кружилась ранняя звезда

Над горизонтом низко-низко,
Я был охотник хоть куда,
Но у прицела сбилась риска,
И усмехнулась звезда.

А лист к земле летел отвесно,
Чернело в комнате окно…
Вдруг стало жить неинтересно
И тоже чуточку смешно.

СТИХ 88

Ах, эта свадьба, свадьба
Пела и стреляла,
И «Порше» эту свадьбу вдаль несли,
И места на Тверской ей явно не хватало,
А денег — хоть обклейте фейс Земли…

СТИХ 89

За порогом осень — вчерашняя,
Как вчерашний борщ или суп,
Перебродит, и город с башнями
Станет больше похож на труп.

Мандельштамово-достоевская,
Глазуновская темнота,
Где вода маслянисто-невская
И болячки где в три креста.

За порогом — да, а в квартире-то
Не такая же канитель?
Здесь не три креста, а четыреста
И измызганная постель.

На работу бредём, на лекции,
Под холодным скользим дождём,
И, пожалуй, как дезинфекцию,
Мы нескорую зиму ждём.

СТИХ 90

Девочка — мальчик-подросток,
До шести вечера одна дома,
То есть свободна, но всё не просто;
В голову лезут мысли, как груда металлолома,
О настоящем мачо — школьном учителе,
Сейчас каникулы и у преподов — тоже,
И этот в отсутствии — двойной мучитель,
По предмету учебному и по обожанию…
Вспомнишь — мурашки бегут по телу,
Как у шпиона перед провальным заданием.
С этим что-то надо решать:
Писать — ерунда, звонить — ещё хуже,
Телефона не знает, но, как небо в луже,
Он присутствует в ней
И ему видней, кого и за что послать…
Может, школу бросить? Предки убьют.
Не проходит запал…
Короче — полный завал!

СТИХ 91

Современные дороги,
Богатая страна,
Недотягивают немного
До уровня автобана,
А страна-то — банановая.
От езды такой ноет спина.
Видишь плакат,
Считай — баннер:
«Медцентр — лечиться каждый рад!»
А ну его в баню.
Пойду к бабке

Или займусь самолечением —
Опасное увлечение.
У нас как — чихнул и сразу за градусник…
Кажется, температура,
А может, привиделось сдуру?
Ещё Высоцкий советовал физкультуру.
Тоже мне гуру.

СТИХ 92

«Кухни, арки, двери, ставни!» —
Щит повешенный недавно.
Магазинчик «Главпродукт».
А в моторе стук да стук…
Пробубнил в салоне кто-то:
«Документы для отчёта…» —
Это значит — есть квартиры
Для ночных корпоративов,
Для совместно или врозь,
Если в городе ты — гость…
База отдыха «У бора»…
«Без билета тут который? —
Беспокоится шофёр. —
Ведь на трассе контролёр».
Замечтался
И попался.
«Выходите, гражданин!
Вы в салоне не один!» —
«Полунищий идиот…» —
«Не задерживай народ!»
«Я, ребята, заплачу.
Всех вас тут озолочу…»
«Ладно, ладно, золотарь,
Налегке по трассе шпарь…»

СТИХ 93

Наблюдал за тем, как варился и кис бульон
Из надежд между съездами: последним и первым,
За тем, как девочки превращались в жён и гулён
С обнажёнными до предела их телами и нервами.
Всё менялось, где рос я, остались лишь облака,
Высокие облака беззаботного моего детства,
А ещё обмелевшая и обезрыбевшая река,
Больше от скуки, чем от людского бездействия.
Я брожу по местам, где когда-то стояли дома —
Деревянные развалюхи друзей моего детства,
И кажется, что мы все вместе сходим с ума,
Начав сходить ещё до начала действа.

СТИХ 94

— Папа, купи мне, пожалуйста, скутер.
— Выздоравливай, сынок, куплю обязательно.
— Папа, а как засыпает компьютер?
— Он засыпает очень старательно.
— Папа, а если учиться плохо?
— Тогда Дед Мороз не даст подарков.
— Папа, сейчас другая эпоха,
И вообще мне очень жарко.
Папа, а теперь холодно, и очень
Прошу, позови маму.
— Позову обязательно, только не ночью,
Ведь она приходит из универсама,
И приходит только в дневную пору.
Знаешь, есть служба такая…
Мальчик дремлет и маму свою представляет
После такого вечернего разговора.

СТИХ 95

ЗАБЫТЫЙ СОЛДАТ

Старушка в платке, с хворостиной в руке
Пасёт кур, доживая свой век у дочери…
И дочка отнюдь не лежит в гамаке,
А мать за птицей следить уполномочила.
Бабушка смотрит с безнадёгой мне вслед
И очень поговорить ей хочется,
Поинтересоваться, как дела, сосед?
Но стесняется, не зная моего имени-отчества.
Приезжие… Она когда-то учительницей была
В республике, где русских не привечали,
Всё бросила, ничего с собой не взяла,
А ведь как на работу её венчали…
И дети любили учительницу свою,
Щёлками глаз следя за красой нездешней.
И учила бы дальше, считая — живёт в раю,
Не предполагая, что её, как грешницу,
Вытащат на мороз за красивые русые волосы…
С того судного дня и вся жизнь пойдёт под откос,
Отберут нажитое и лишат ко всему права голоса.
И на новом месте, оставшись без ремесла
(Возраст и в глазах… даже не многоточие),
Как детишек своих узкоглазых когда-то пасла,
Кур пасёт, доживая у младшей дочери.
Прохожу, здороваясь… оглядываюсь назад,
Хотя, честно сказать, отчего-то совсем не хочется.
На скамеечке низкой сидит отставной солдат
Нашей жизни, которую звали по имени-отчеству…

СТИХ 96

«Твой дом — всё лучшее в нём!»
«Ворота автоматические,
Секционные, откатные…»
Даром фактически,
Притом безвозвратно,

Не отберут, даже
Если не вовремя выплатим кредит.
В голове свербит:
«Оборудование пищевое,
Торговое, хлебопекарное…» —
Жить можно, жаль, начальство бездарное…

СТИХ 97

Выйду на улицу, где солнца нема,
А парубков и дивчин сводят с ума…
Белая ленточка, в рот пароход,
Кажется, на митинг идёт народ.
Снова флешмобы, штабы, конференции,
Трали и вали, а где преференции?
Обыватель не очень-то на сходки идёт,
Занят, соседа за рупь продаёт.
Что за компания, в рот пароход,
Со дня революции девяносто пятый год.
До сотни дотянем, а там чемпионат,
Болельщики в истерике: «Промазал, гад!!!»
Полиция на страже, не берись за кольё,
А эти бандерлоги твердят своё…
От митинга к митингу делаясь злей;
Им вовсе нет нужды спасать журавлей
И стаи валюты, зелёной со спины,
Вовсе не нужно вывозить из страны.
Плевать, что на улице солнца нема,
Главное, ребята, не сойти с ума!

СТИХ 98

СЕМЕЙКА

Ты ловишь меня, как шпиона ловит
Вполне недружественное государство,
Ты грандиозный банкет готовишь,
С претензией на лоск и известное барство.
Ты и твоя подружка — ведьмы,
Летают над городом и надо мной кругами,

Высматривая, куда получше сесть бы,
Не задевая крестов руками.
Бегу через город, куда — не знаю,
Никто не желает привечать изгоя,
А небо раскалилось с восточного края,
И кто бы мог объяснить такое
Явление? Запросто — веселится жёнушка.
Ей не впервой выкидывать штучки,
Это отнюдь не та Алёнушка,
Которой царевич целовал ручки.
Мне заметят, но и ты не Иванушка тоже,
Гляди-ка нашёлся какой страдалец
Или господин ясновельможный.
Самому тоже не клади в рот палец…
Упаси Боже!

СТИХ 99

ТОСКА

Когда степной воздух опять наполняет мои лёгкие
А на горизонте начинают горы синеть,
Я думаю: «Чтоб их взяла нелёгкая —
И горы эти, и степи, и закатов осеннюю медь».
Я родился не здесь и вырос, и не здесь, полагаю, умру,
Но провел среди сопок около шестнадцати тысяч суток.
Вставал и в степь уходил от людей поутру.
Выходил, как положено, в степь лазоревую спозаранку
Столько тысяч раз, изо дня в день, из года в год,
И смотрел в небеса, а душа выворачивалась наизнанку,
И молил, чтоб отсюда забрал меня самолёт.

НЕДЕЛЯ ЧЕТВЕРТАЯ

СТИХ 100

Скучать по профилю любви
На профиле водораздела
И находиться визави,
Как тот наследник с Азазелло.
Геологический разрез
Через пласты людского страха,
Течению наперерез,
Через Болотную и Сахарова.
Ещё до крови далеко,
А до конфуза уже близко.
С тобой расстаться нелегко
У памятника, обелиска ли.
И буду я протестовать,
И мне плевать на все потери,
И пусть друзья твои кричат:
— Не верь ему, не верь…
Поверьте.

СТИХ 101

Мальчишки бегали на речную пристань
Провожать пароходы до станции «Мечта».
И в такие минуты улетучивались невзгоды
И казалось, что их стихия — неведомая высота.
И казалось, на этих пароходах ходят
Одни капитаны и весёлой команды братва,

Которая в парке на танцах потом колобродит,
Окружающим отпуская специфические слова.
Конечно, мы видели суетящихся пассажиров,
Да только на них мало обращали внимание,
А, напрягая на горлышках жидких жилы,
Пароходам махали и кричали им: «До свиданья!»
Те отвечали пронзительными гудками,
Проявляя беспечность в известном роде,
И, казалось, причал плывёт под ногами,
Вызывая смятение в ребячьем народе.
Прошли годы, и вера в чудо пропала,
И на свалке, в затоне, встретили нечто страшное —
Грудами исковерканного металла
Лежали убитыми бывшие пароходы наши.
И тогда подумалось, а если бы пароходы
Оказались на свалке человеческих душ,
Некогда светлые, а после, считай, уроды,
Словно накрытые залпам реактивных «Катюш»
И Марин, и начальников, и тяжёлой работой,
А ещё лежанием перед сильными мира — ниц…
Мы стояли, а в груди поворачивалось что-то
Наподобие тяжеловесных пароходных плиц.

СТИХ 102

По небу плывут удивительные облака,
Индивидуальные, как отпечатки пальцев,
И похожие, как лица гастарбайтеров-постояльцев,
Приехавших из недалёкого далека.
А дядя Степан, дезертировавший из психушки
И познавший про чудесные свойства петрушки,
Разжился пучком у соседки-простушки,
Пожевал и приготовился покайфовать слегка.
А вокруг перемены типично осенние,
Дядя Степан почитает Есенина и А. А. Блока,
А может, послушает Оскара Строка…
Господа, законы пишущие,
Не надо его наказывать строго.

Пусть спокойно переваривает свою пищу
И молится, да хоть на платяной шкаф.
И не стоит играть с ним в кошки-мышки,
Он давно на учёте, как чародей и граф.
Дядя Стёпа — это наш человек, ребята,
Хотя и вашим он был когда-то,
Покуда не пристрастился ходить на бровях.

СТИХ 103

Моих друзей уже не счесть в земле,
И все они лежат, считай, по пьяни,
Не все ассоциировали с рванью,
Но умирали все навеселе.
С одним бухали… Умер… В морг его
Везли в мотоциклетной люльке сидя,
Болтался, привязали в лучшем виде,
Проволокой опутали всего.
Другой — замёрз в сугробе во дворе.
Стремился в дом к своей жене и детям,
Мело, мело по-блоковски на свете
На всём, но всё-таки замёрз он во дворе.
А третий… а четвёртый… а восьмой?
Да обо всех расскажешь ли так сразу,
Да и не нужно, думали с заразой
Покончить, если пить, то по одной.
Потом втянулись, стали видеть глюки…
Один уже чинов достиг в науке,
И докой в школьном деле был другой,
Прикладываться стали по второй,
А там пошло, уже немели руки,
И намечался в обществе нарыв.
Теперь таких считают на мильоны,
А были среди них Наполеоны,
Суворовы и космонавты были,
Но имена свои они забыли
И объявили жизни перерыв.
А я любил товарищей своих,

Их изредка в больнице навещал
И завсегда в дорогу провожал,
С живущими подвыпив понемногу
(Ведь всё-таки в последнюю дорогу),
В последний, так сказать, их скорбный путь,
Ну как же здесь нам не принять на грудь…

СТИХ 104

У начальника ремучастка
Любимое словечко «парадокс»,
Тормозные мысли, хитрые глазки.
Хотя по характеру — ортодокс.
Маленький, в чёрном плаще и рыжий,
Любит заболтать любую проблему,
Любит округлять и открыживать
Всё нужное, действуя по схеме.
Хотя не только схемы ремонтов и подключений,
Но и схемы поведения своих подчинённых,
Их приключений и злоключений —
Всё в его голове смышленой.
А сам он не укладывается в схему,
Потому что заговорённый
И соединён с какой-то клеммой
Невидимым электрическим проводом.

СТИХ 105

Оставлю стихотворение недописанным —
Пусть допишет его литератор.
Книгу оставлю недочитанной —
Пусть дочитает её читатель.
Оставлю кошелёк с деньгами —
Пусть нашедший дотратит.
Оставлю квартиру открытой —
Пусть ночует кто пожелает.
Оставлю жизнь не дожитою —
А кто её за меня доживёт?

СТИХ 106

Когда я включу телевизор вечерней порою,
То вспоминается сразу детство моё золотое
И как наш вожатый строжился, готовя к отбою,
И как засыпать нам всем не хотелось, не скрою.
Но строгий вожатый спешил посмотреть телевизор
В вожатской своей вместе с нашей врачихой.
Не знаю, что было у взрослых железным девизом,
Но знаю, что нам забивали мозги они лихо,
Внушая, что постоянно должны быть готовы
Всегда и во всём быть, бесспорно, примером
И верным быть слову всегда, пионерскому слову.
Они же всю ночь в своей душной и тесной вожатской,
Включив телевизор и шторки неплотно задёрнув,
Я думаю, просто вдвоём обнимались по-братски
До самой побудки, до звуков весёлого горна.
И после вожатому чётко мы честь отдавали,
Позвенно шагая, речёвки горланили лихо,
А взрослые нас натурально за лохов считали,
И мы понимали, что нам далеко до врачихи...

СТИХ 107

У отца застиранное лицо,
У матери — домохозяйки пошлой,
У деда руки, словно налитые свинцом,
А бабки нет ни в настоящем, ни в прошлом.
Ребёнок решает, к кому из них подойти,
У кого выпросить на лимонад…
Простите, отец и мать, дедушка, тоже прости,
Лучше, если я поверну назад.
И когда у меня будут дети: сын или дочь,
Я их стану поить газировкой без всякой меры…
И пускай хоть день превратится внезапно в ночь,
Не говорить, что против даже милиционеры.

СТИХ 108

Есть «для печати версия» в журнале,
А есть для личного общения в запале.
В последнем, думаю я, в мать и в перемать,
А в первом тишь да божья благодать.
Конечно, есть слова не для печати,
И есть слова совсем не для печали,
Весёлые такие и крутые,
Забористые, как шлепок по вые…
Слова мои, стихи — не для печати,
И, кажется, совсем не для печали.
Живут в полуистёршихся блокнотах
И ждут, когда их отдадут в работу…
Творцу ж словечек этих неохота
Ничтоже мяться перед идиотом,
Потом глазами хлопать виновато:
— Да, да, накрапал, стыдно мне, ребята,
И за себя, и за свою стряпню.
Я все советы ваши заценю…

СТИХ 109

Непросто осень измерять июлем
И возмущаться — холодно опять…
А осень, извините, вам не блядь
С роскошным телом, чуть прикрытым тюлем.
Непросто лето измерять апрелем,
Черёмуховые холода в чести,
И с просьбою: «Мой милый, отпусти.
Ты всё рано мне больше не поверишь…»
Непросто зиму измерять весною,
Непросто жить не так, как нужно всем.
«Я не хочу печалить вас ничем…» —
Зубовный скрежет ощущать десною
И сумасшествие опять лечить покоем,
Свою квартиру превратив в Эдем.

СТИХ 110

Она была и… испарилась.
Она монеткой закатилась
Под шкаф или ещё куда-то,
Поиздержалась, как зарплата,
Сквозь пальцы протекла водою,
Недооткрытою звездою
По небу чиркнув ярким светом…
Она была, а больше нету.
Её могилу средь могил
Искал, напрасно ворошил
Наш хилый медленный Рунет,
Но не помог мне Интернет…
Осталось плюнуть и забыть,
И продолжать, как прежде, жить.

СТИХ 111

«Главная эрогенная зона — это мозг», —
И в аутосуггестии тоже он не последнее дело,
А во внешнем виде не последнее дело — лоск,
Так что можешь начать тренировки смело.
В результате через месяц
На тебя глянет монстр
Из зеркала, только сбрей со щёк ворс,
А то слишком заметно
Чёрное на белом.

СТИХ 112

Если часто кричать:
— Исполать!
Можно запросто час свой проспать,
Упустить предоставленный шанс
Или просто случайный аванс.
— Исполать! Исполать! Исполать! —
Не устанешь вот этак кричать?
Хотя должно вот этак молчать.
Впрочем, как заявить о себе,

Как коростой не стать на губе?
Может, всё-таки лучше кричать:
— Исполать, исполать, исполать?!

СТИХ 113

По небу женщины летают
И нас внизу не замечают…
А их за птичек принимают
Да из травматики пуляют
По хрупким женственным телам…
И пули застревают в них,
А это всё же стыд и срам,
Стрелять в товарищей своих.
А после, обсудив охоту,
Ладонью прикрывать зевоту…
Из тех, летающих, бывает,
Что кто-то больше не летает,
Водою раны омывает
И кровь живой водой смывает…
И вспоминается подспудно,
Как обстреляли их паскудно.

СТИХ 114

Завести бы стеклянную печь
И на пламя сквозь стенки глазеть,
Как оно веселится в печи,
Освещая её кирпичи,
Как потом, разгоревшись, гудит.
Я боюсь — моя печь затрещит
И закапает сверху стекло,
Но зато стало в доме тепло…
Мир — большая стеклянная печь,
А вот этим нельзя пренебречь
И спокойно взирать на закат,
И спокойно смотреть на восход,
Как поленья горят и горят,
Поглощая в печи кислород.

СТИХ 115

На сентябрьских осенних задворках
Ветром полы одежд раздувает,
И такое частенько бывает,
Когда в лето задёрнуты шторки.
Ветер думает — нет никого,
Кто его осудил бы за шалость,
Пусть немного, хоть самую малость
Или что-то навроде того.
На задворках больших перемен
Ты о главном не думаешь вовсе,
Не скучаешь о Ницце и Тромсе —
Тебе нечего дать им взамен,
Не считая себя заводилою,
В заграничных поездках и местных
Усмиряешь свой бзик тем, что честно
Можно врать, прикрываясь «мобилою»
И вставляя слова иностранные,
Нарушать все законы гуманные.

СТИХ 116

Как небо октября испещрено зимою,
Крутые письмена нешуточных измен,
Так и душа твоя, не ведая покоя,
Вся в шрамах и рубцах от скорых перемен.

Дожди упали враз, без всякой подготовки.
И, выткав на земле узоры холодов,
Расширили обзор газетным заголовкам
О кознях ЖКХ и близости снегов.

Старушки, охая, торопятся в сберкассы,
Последние гроши на чёрный день кладут,
А внуки, обнаглев, теребят их матрасы,
И думают, глупцы, озолотиться тут.

Осенней толкотни извечные заботы,
Скорей бы выпал снег… и на душе светлей.
А в тёмных закутах бомжи, как в банках — шпроты,
И что ни говори, а вместе потеплей.

СТИХ 117

Графоманы любви,
Ваше поле — чужие судьбы,
А критерии ваши — глухие судьи.
Хоть зови не зови,
Тонет ваше судно,
Как тонул когда-то
Крейсер «Мэри Куин»…

СТИХ 118

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТКИ МИНУСИНСКОЙ ГАЗЕТЫ «ВЛАСТЬ ТРУДА» КАНКЕЕВОЙ Г. Г.

Я — минусинец, здесь я жил, но некрещёный,
Учился — да, но вот затыка — не учёный.
Ни степеней научных нет, научных званий.
Заочный педуниверсам лежит в кармане.
Не дотянул я до церквей, как Серж с Валерой,
Зато отведал от чертей и иноверов.
Знакомы, кажется, вполне мне казематы,
Хотя отнюдь я не блистал ума палатой.
Зато я город свой люблю без всякой меры,
А как же, приняли меня здесь в пионеры.
Потом в техане — комсомол, всё чин по чину…
Вот не рогат и не комол, а в чём причина?
Нельзя наш город не любить, подозреваю,
Такой, как он, всего один, один по краю.
Как у него: тюрьма, вино и помидоры,
Лицей, собор, разбит вокзал, авто — который.
И у меня почти всё так: тюрьма, стишата,
Лицей, музей и одноклассники-ребята.

Давай, Галина, сей допрос закончим споро,
Неси вино и на подносе… помидоры,
Обмоем мою чеховскую премию,
Забудутся все премии со временем,
А мы с тобой, как водится, на ТЫ…

СТИХ 119

Кот совсем ручной,
Холодильник бодает башкой,
Знает, что там лежит рыба.
Кот как кот, а не булгаковская глыба.
Кот — Бегемот,
Кот — Ранет.
Кот хорош собой, только кошки нет.
Отсюда необычно зол,
Требует от хозяйки камзол.
Полагает, что дело в том:
Гол он, как сокол,
Или как франт одет.
Кошки нет,
Кошки нет,
Кошки нет!
Зато есть валерьянистый валидол —
Кошачий наркотик
Для особо одарённых котов
И их хозяев-ослов,
А ещё — козлов,
А ещё — без слов
Сострадания и обожания.
Да здравствует кошачья республика
И кошачья же индустрия,
И прилизанная чистая публика,
Пресвятее, чем Дева Мария!

СТИХ 120

Я знаю художника,
Который привык рисовать человеков без рук,
А мучеников — без мук,
А учёных мужей — без наук.
Я знаю поэтов,
Которые привыкли писать со слов
Разных свидетелей и болтунов.
Зато у них получается отстранённо и гладко,
И почти не гадко, а даже сладко,
А ведь это больше подошло бы кондитерам,
Чем поэтам-вредителям,
А ещё искусителям и оформителям
Всяческих пропусков и виз:
Пли-и-з!
Чи-и-з!
Сверху вниз
И на бис!
Берегись, отвяжись,
Их худая жизнь!
Брысь!
Брысь!
Рысь, убегай ввысь
По готовому полотну
Ко дну!

СТИХ 121

Как я устал от людей,
Не стыкующихся с моими взглядами
И моею моторикой жизни,
И с моими привычками,
Лезущими в душу со своими отмычками,
Старающиеся отпихнуть задом,
Как они полагают, что от кормушки,
А то и снять с оппонента стружку
Непрезрительным взглядом,

Так пошлой шуткой,
Прибауткой, уткой,
Причём бывает, что жуткой.
А ещё я устал от недругов-друзей,
Лебедей, журавлей,
От счастливых и бойких судей,
Или судей, а также подсудных им неподсудных,
Адекватных и неадвокатных хорей.
И как побороть усталость эту?
Переехать на другую сторону планеты
Или страны, а вполне возможно — Луны.
Основать там неолунян колонию
И какую-нибудь маленькую филармонию
И закидывать в телескопы, ребята,
По ночам вам «Лунные сонаты».

СТИХ 122

Марк Цукерберг основал «Фейсбук»,
Стив Джобс в телефонах разбирался не хуже Белла,
А Бела Кун занимался стрельбой в Крыму
Наперебой с Землячкой, сдабривая прибой кровавой пеной.
Марк приехал поучать нас
Этаким Буратино, или Бибигоном,
А Стив уже не откроет глаз
Со всеми своими айпедами и айфонами.
Да только мы — себе на уме
И хотели бы попросить у Марка
Хотя бы каждому на флакончик одеколона,
А то надоел самопальный спирт,
Водка же кусается, несмотря на имя,
И бросается, как молодёжь на Бритни Спирс,
С глазами сорокоградусными такими.

СТИХ 123

Латынина предложила присваивать номера
пешеходам,
А ещё раньше придумали красить и стричь траву.
Веселей становится жить в стране год от года,
Это ещё Сталин подметил, честь и хвала ему.
А ещё некоторые, в целлофан упакованные,
Знаете, в такой чёрный… молчаливые чудаки.
Ах, Юлечка, отмените скорее своё решение,
Вы доводите до абсурда железные речи вождей,
И давно бы пора отменить все ночные бдения
В душных чревах соборов, а также монастырей.
Не пора ли просто жить, как завещано Адамом и Евой?
Не загонять клячу-историю по прихоти
поэтов-трибунов,
А просто шагать себе левой,
левой,
левой…
Нет, правой не надо, не стоит подражать гуннам.

СТИХ 124

К законам о митингах и демонстрациях
Петру Семёнычу хочется написать аннотацию,
А его жене — прочитать муженьку нотацию,
Потому что пропускает вторую инфляцию,
Хотя и следит за газетами,
И слушает радио…
И в этом деле уже прошёл определённую стадию
Развития доморощенного стратёга,
А к мужскому долгу — здесь полная безнадёга,
Хотя жена Семёныча не каменная и не мумия,
И на полном серьёзе об измене мужу подумывает.
Да с кем, о, Господи, все друзья у мужа такие же
чокнутые,
Очки у каждого с пылеводонепроницаемыми
стёклами,
А спины, ну разве что только за обедом и мокрые.
Вот сводить бы их скопом к сексопатологу

Или накрыть, как потёмкинцев,
Брезентовым пологом и…
Дальше фантазия неудовлетворённой женщины
дала сбой,
И она говорит:
— Отбой! Пора заняться собой.

СТИХ 125

Сегодня день седьмой октября,
И чего бы ни написал, решат:
— Про Него.
Но ведь есть же 22 апреля и 20-е
Какого-то декабря.
И как-то переживаем, и как-то ничего.
Правда, прежде обещания давали
Дедушке Ленину и товарищу Сталину
(последнего дедушкой не называли),
Дедушки не бывают сделанными из стали,
Они мягкие и добрые очень.
А скоро 14-е октября,
Говорят, большой христианский праздник,
Но люди думают — покроется снегом земля,
И всего-то событие… и праздновать перестали,
Хотя в этот день бросили работу,
А вот пить не бросили и кушать шпроты
Тоже не бросили.
Потому что эти деликатесы
Простому человеку не положены по политесу.
Он и не ел, то есть не употреблял,
Зато самогоночкой злоупотреблял,
А ещё выпечкой собственного производства
И осознанием своего пролетарского превосходства
Над всеми так называемыми мироедами,
Прислужниками барскими,
Охотоведами царскими.
И ещё одно из замечаний –
Над руководителями восстаний.

СТИХ 126

Профессор Торн когда-то был заурядным хиппи,
А сейчас он незаурядный физик
И ищет объяснение феномену Чёрных дыр,
А ещё феномену появления красивых девушек
На тысячу самых обыкновенных,
И не девушек даже,
А просто всех этих Наташ и Дашек,
И желательно, судя по именам, из наших.
Почему русские гёрлы чувствуют космос сильнее,
Не потому ли, что сидят у мужей на шее,
А значит, амплитуда колебаний больше на крыше.
И вообще он странный — этот профессор Кип Торн,
Сияет в кругах иностранных,
Изучает там гравитацию,
А у нас только участвует в конференциях
И не интересуется гипотезой о существовании Бога,
Даже совсем немного.
Зато мы в вопросе этом
Даём сто очков вперёд всему научному свету
И, сокращая уроки физики,
Уроки богоизбранности увеличиваем,
Склоняяся к метафизике.

СТИХ 127

Спайдермен души — это существо неодушевлённое,
Многое может, а многого и не может,
Потому что владельцы душ тоже хороши,
А ещё спайдермен — это верхолаз,
И не обязательно человек-паук,
Работяга, попробовал — понравилось… и так много раз,
Даже трубу почистить может
Или снег убрать, эти — романтики,
А вот те, которые верхолазы души, —
Прагматики и обманутые дольщики.
Командир ушёл, а денежки ищи-свищи,
В голове всё смешалось, хоть свет туши…
Спендермены души.

СТИХ 128

ПРОСТЫЕ МОМЕНТЫ

Ветер, рвущий простыни холодного воздуха,
Из них верёвки вьющий (побег из сумасшедшего дома),
Снежный ливень алюминиевого металлолома,
И ни минуты для продыха.
Если ты не борец, а из плоти обычной,
Погибнешь в этой кутерьме неживого,
И не подобрать волшебного слова
В нашей жизни пошлой и вполне привычной.

Время быстрей, чем печатаются газеты и книги,
Девушку выпустили прямо из зала суда,
Ту, которая якобы плела интриги,
Из «Пусси Райт», в суде нет её даже следа.

А тем временем злобные степные собаки
Бросились на отдыхающих журавлей,
И пришлось казахам участвовать в ярой драке,
Защищая стерхов и престиж родины своей.

Осень. Девушка с веслом принимает позу,
Физкультурница — бёдра крепкие и греческий лик,
И на этом фоне, как во «флэшку»-прозу,
Опавшую листву грузят в грузовик.
Кузов полон, а лист ничего не весит,
И шофёр, пнув рессору, ни на кого не глядит,
А тем временем осень шельмует и куролесит,
И у прохожих вполне адекватный вид.
У студенток даже весёлые лица,
В их зачётках пока удивительная благодать,
А в такое время строжится одна полиция —
Граждане склонны даже осенью нарушать…

СТИХ 129

Мы все влачим пространства бремя,
В суть его свойства не вникая,
Часы отстукивают время,
Как будто семечки щелкают.

Всё до убогости понятно,
И сложно всё одновременно.
До отвращения понятна
Любая в жизни перемена.

В себе мы сами усложняем
Все циклы, ритмы и процессы,
Когда лекарства принимаем
От меланхолии и стресса.

Ведём себя как дети в ГУМе,
К игрушкам тянемся с азартом,
И нас никто не надоумил,
Что нам давно пора за парты.

Что в сорок лет пора учиться,
К иной готовясь ипостаси,
И по два года не годится
Сидеть в одном и том же классе.

СТИХ 130

Тихо сводят с ума
СМИ, разлившиеся реки
И дома, как тома
В городской библиотеке…

СТИХ 131

НОВОСТИ «ДОЖДЯ»

– 1 –

«Власти Марселя
Возвращаются к высылке цыган…»
Неужто к нам, в Магадан?
Ну, это сплошной обман,
Цыган у нас и своих хватает,
А вот интересно, есть ли цыгане
В Ватикане?
Они тоже, поди, христиане,
Такие православные милашки,
И дети у них шалунишки —
Реализуют наркоты излишки.

– 2 –

«Фром стал первым производить
Современный презерватив…»
Чем и сократил население
Больше, чем все войны.
Довольны?
Не совсем, тогда чего вам ещё надо?
И мы за мир, требуем проколоть этого гада!
Пусть рождаются ребятишки:
Кричат, шалят, писают в штанишки…
И военные очень довольны,
С таким изделием убивать не больно —
Никаких ран,
А для спермы — сплошной обман,
И довольно бы, господа, довольно,
Перестанут аборты делать подпольно
И начнут давать добровольно,
Только никаких колюще-режущих предметов
Рядом с латексом, сиречь резиной.
А ведь «балаклавы» — это тоже замороченные
презервативы,

Каковы мотивы?
И за такую пропаганду полезного изделия
По два года пропагандистам закатить успели.
Ну и тефтели… братела,
А то вот ещё на демонстрациях…
Нацепят похожее и идут в прострации.
Техникой нужно пользоваться умело,
Тем паче, когда у тела!

– 3 –

«РЖД поднимает цены на нижние полки…» —
Оголодали овцы и волки.
Нижние не должны стоить столько же,
Сколько верхние и боковые —
Условия другие:
На нижней — к земле ближе,
Не так ушибёшься, когда навернёшься…
Зато на верхней, как в гамаке,
Покачиваешься налегке.
А на «боковушке»
Тяжелее, чем в легковушке.
Вот и ценятся нижние места.
Интересно, наценяется ли на ЖД мечта,
Чтоб все летали, как на «Сапсане»
Или как Емеля в санях,
И женились бы так же беспечно
На остановках конечных
В отсутствии контролёров весьма бессердечных
И машинистов… быстро-быстро…

СТИХ 132

МОНОЛОГ ИДИОТА

«Рикардо Фольи — легенда чужой эстрады…»
Меха собольи — им точно рады
Насти, Марины — лучшие половины
Нашего мира, не считая кумиров и дезертиров…

Врут, что ради фронды искали свою Джоконду,
А встретили Светлану Иванову
Внепланово.
А время подпирает — замуж надо,
Хоть на Петропавловке из Петрограда
Или на Соловецком монастыре…
Да только принципы ещё те,
Не позволяют даже убожествам
Заниматься архиложеством,
Тем более крепостями,
Которые с наскоку не взять,
Ядрит вашу мать!
А при чём здесь синьор Рикардо —
Краплёная карта, пусть даже Рикардо Фольи,
Он не из семьи алкоголиков?
Что-то в нём есть от кролика,
К тому ж обожает вина.
Настоящий мужчина — вторая половина
Той, лучшей, первой,
Хотя Марина и Настя — стервы.
Вот… сдали нервы.
Мой муж не первый,
Друг детства, знаете ли, виноват,
Гад!

СТИХ 133

У «БГ» есть «Радио Африки» — песенный цикл,
У байкера — мотоцикл,
У блогера — трибуна и велосипед,
Лишь у Макаревича ничего нет,
Кроме «Машины времени» —
Обзавёлся ею своевременно,
А ещё ресторацией…
Власть ходила к нему откушать,
Самый «Смак» — за пятак или так?
А вот кто был богат, так это
Казимир Малевич,

Хотя и не имел «машины времени»,
Зато над Витебском полетал всласть…
И как только не боялся упасть,
Да ещё с дамою,
Как с немецкою «рамою».
И чего они там высматривали,
В этакой местечковой глуши?
Мотор глуши и свет гаси,
Если рядом с такою женщиной,
Женой невенчанной…

СТИХ 134

«Страшно далеки они от народа…», —
Кто-то про кого-то сказал сгоряча,
Рубанул, как с плеча,
И, скорее всего, в дурную погоду…
Ага, вспомнил, про декабристов
Изрёк подобным образом Владимир Ленин,
Пообещав матери на коленях
Пойти другим, революционным, путём,
И не обманул, а такое дело-то провернул,
Не ушёл в загул, хотя дружка своего зевнул,
Не раскусил товарища Сталина
На радость обличителям нашим,
Хотя до сих пор с этим брендом носятся
И на Мавзолей косятся,
А накося выкуси! Но пасаран, пацан!

СТИХ 135

В королевстве кривых зеркал
Разобиделся аксакал…
Зеркала, говорят, побил…
Может, просто под газом был
Или просто слегка устал
Этот мстительный аксакал.
Ну, и как в таком мире жить,
Если всяк норовит разбить

Хоть чего-нибудь и хоть как,
Почесать свой литой кулак
О личину или стекло?
Королю явно не везло
С оппозицией аксакальной:
Прокаспаровской, пронавальной,
Промосковской, провинциальной,
Тем не менее всё ж астральной
И пока ещё номинальной…

СТИХ 136

Мой комп бунтует
Своими дисками и всеми клавишами,
Он постоянно организует
Встречи с какой-то Елизаветой Савишной.
Выдаёт речи,
Одна другой от смысла далече,
И своим видеоглазом
Следит за всеми в комнате сразу
И чтобы платили исправно за Интернет,
Как будто другой заботы нет,
А иначе вырубает все программы от сглазу,
— Славно, — как сказал бы некто, — славно!
У нас техническая эволюция
Не в головах, а в виртуальном клозете.
Тут к месту вспомнить профессора Преображенского,
Героя булгаковского сердца и разума,
Тогда поносили б не только Киренского,
А и всю камарилью, не добегая до унитаза.
Мол, такие-сякие, проморгали моменты,
Не поймали вовремя Ленина, а то бы жили,
Не допустив большевистского эксперимента,
Обещавшего сказку сделать былью…
Мой компьютер прост, как простые счёты,
И доверчив, как зебры в долинах Серенге.
Жаль, не желает бесплатно работать,
Жрёт энергию, здоровье и деньги…

СТИХ 137

Народ великий мы, но подлый,
Девчонок щупаем за бёдра,
Гулять выводим, если вёдра,
И обожаем флот подводный
И на погонах синий кант,
И помним слово… диверсант.

СТИХ 138

Сад камней в деревне Мохово
И бурановские бабушки на Еврокубке…
Оно, так сказать, ни хорошо, ни плохо,
Жаль, что дедушки не вылезают из полушубков.
Всё мёрзнут, сердечные, и пьют… сладкое,
А чтоб запеть наперекор Билану,
Они до славы не дюже падкие,
Да где отличишься, если вечно пьяные.
Наши старички не сильны в английском,
Им песен не пишет господин Дорошин,
Вот если б давали за это виски,
Тогда, возможно, договорились бы по-хорошему.
И продюсер Пригожин, забыв Валерию,
Поскакал дедам собирать публику,
И Моцарт хулить бы не стал Сальери,
А засочинял во славу австрийской республики.

СТИХ 139

Какие прекрасные листья —
Художник взялся за кисти,
Какие сытые рожи —
Разбойник взялся за ножик…
Как скучно и рвотно, хоть тресни,
И рэпер взялся за песни,
Так каждый за что-нибудь взялся,
Но кто-то из них просчитался,
А сразу стал всем из них кто-то,
Ох, как и другому охота
Пойматься за нить Ариадны,
Хотя б прикоснуться… и ладно,
Глядишь, и вцепился в удачу…
Загоним историю-клячу
В большой и раскрашенный гроб,
И впредь не куражилась чтоб,
И с ней не куражился сноб,
Ни хам, ни лакей и не лоб,
А были друг другу равны
Страны нашей гордой сыны.

НЕДЕЛЯ ПЯТАЯ

СТИХ 140

В этом здании когда-то была вечерняя школа,
А теперь мебельный магазин крутой,
Подъезжают на джипах граждане невесёлые,
А прежде балбесы носились густой толпой,
Постигая науки, мудрёные шибко,
Узнавали, как устроены мир и Земля
И преподы смотрели на них с улыбкой,
Вернее, не преподы, а учителя.
Это теперь научились паскудно
Выражаться в ту сторону по причине и без,
А то и вовсе склонять прилюдно
Своих наставников, обкладывая до небес.
Вот и выходят в основном черти:
То там отличатся, то здесь в дерьме…
И так от рождения до самой смерти,
Всё выглядывают, себе на уме.
Когда-то здесь мы учились по случаю,
А теперь — мебельный магазин!
Эх, знать бы, что так получится,
Высадил бы стёкла, взяв карабин,
И пускай потом за экстремизм судили,
Много бы не дали, так в чём базар?
Главное, чтоб в «ментовке» тебя не били,
А просто заставили мести тротуар.

СТИХ 141

Какая серьёзная Дума,
И кто бы мог только подумать,
Какая серьёзная школа,
Где весел любой невесёлый.
Какие высокие зданья —
Струятся они в мирозданье,
Какие угрюмые люди,
Неужто опять что-то будет?

СТИХ 142

Знаешь, Оля, мы все горячие,
Не таи на свекровь обид…
Бывает и похуже, и злей тем паче,
Такие и вовсе на голову — инвалиды.

Знаешь, Оля, ты ужасно фотогенична,
Этакую только в кино снимать,
Да и в театре играла б отлично,
Когда не свекровь бы, туда её мать!

Знаешь, Оля, а у нас осень,
Жители картошку копают давно
И чуть ли не собакам сено косят,
А ты всё скучаешь, глядя в окно

Своей по обменам доставшейся квартиры.
В городе и жизни уклад не тот,
Мужики сбежали, как бегут дезертиры,
Нечего сказать — надежда и оплот.

Знаешь, Оля, я опять про осень.
С нею всё в порядке: паутина, листва,
У людей другое, сосед под чудака косит,
И жена мирится с этим едва.

Не работает, мозги вывихнул и кроет по матери,
Пьянь, не может сладить с собой,
Остаётся одно — дорога скатертью
И остатки дней доживать одной.

Раньше поэты матерям писали:
«Как живёшь, старушка, всё-таки одна…» —
А теперь, как можешь, утоляй печали,
И поэтому тоже без ума от вина…

СТИХ 143

Снежный человек — вполне бывает,
Человек осени, наверное, тоже…
Человек дождя бредёт по дорожке,
И его изображение на глазах убывает,
А вот человек Солнца — почти до облаков,
После дождя превращается в радугу.
А под нею скопище дураков,
Всяк по-своему сходит с ума и радуется,
Что пока на статью не наломали дров.
А ещё бывают человек ночи,
Человек ветра и человек травы,
Но эти так себе людишки, не очень,
Некоторые так просто не имеют головы.
Впрочем, невидаль экая, безголовые,
Со стороны глянешь — голова есть,
А присмотришься — только костюмы новые
И такая знакомая и привычная спесь.
А ещё её называют — фанаберия,
Мол, и мы не лаптем хлебаем щи тоже,
Тоскуем в кабинетах по Сталину и по Берии,
Хотя и при данном режиме не исхудали рожею.
Бывают люди — приверженцы власти
Или оппозиции, иностранные агенты,
Меж собою схожи они отчасти —
Общественной жизни реагенты.
Люди разные и человеки

Встречаются вам на каждом шагу,
А ещё есть люди — озера и реки,
А то и апельсины в свинячьем рагу.

СТИХ 144

Я читаю книгу твою последнюю,
Наслаждаюсь, наследую и исследую,
Я не знала — сама ты её писала,
Если сама, то наворотила немало,
А если писала с чёртом на пару,
То маловато поддали жару!
В твоей книге кошки и угольные пласты,
И слёз немножко, и боязнь высоты,
И полное неприятие действительности нашей,
На всё приятное ты говоришь: «Лажа», —
И машешь рукою мне из стиха.
Коротка ночь, и дорога от стихов коротка
Куда-то в ада чёрные пласты,
А может, рая глубину высоты.
Ты завтра разругаешься с директором школы
И отвалишь к подруге дорогой весёлой,
А потом поссоришься со своим редактором,
Алконавтом и, как ни странно, твоим соавтором.
И долго будешь оправдываться перед всеми,
Обвиняя в греховности вождя племени, —
За что будешь распята, а потом съедена
Теми, кто, наступая на пятки,
Тянулся к твоему темени
С надеждой поцеловать в макушку
И пощупать твои кошачьи ушки.

СТИХ 145

Эта женщина не хотела иметь детей,
Эта женщина не любила собак и мужчин,
Она враг и гроза всех достойных семей
И знаток самых лучших и древних вин.
Она объявила себя лесбиянкой,

Ходит в халате и нервно курит,
Но с подругой поссорилась, обозвав засранкой,
А себя мнит не меньше, чем грозной фурией.
И когда она идёт по улице одинокая,
То кажется, что улица совсем пустая,
А все люди прильнули к амбразурам окон
И за нею исподтишка наблюдают.
Возвращается домой мимо одного из кафе
И всё думает: «Будут деньги, загляну
непременно…»
А стихам своим женским — аутодафе,
Искоренив в себе это до уровня генов,
И чтоб детям своим это не передать,
А бродить одиночкой… мол, я другая.
И совсем забывает, что поклялась не рожать,
Такая беззащитная и такая пустая…

СТИХ 146

НОВОСТНАЯ ЛЕНТА «ДОЖДЯ» ОТ 12 ОКТЯБРЯ 2012 ГОДА...

Владимир Путин получил восьмой дан по дзюдо,
А китайский писатель Мо Янь — Нобелевку,
А очередной любитель качать права получил по морде,
И у него отобрали «мобилу» ещё до того…
О-го-го — это не по-китайски, а по-нашему
— подношение,
Будет меньше работать в Worde
И в соцсети сливать голошение.
А материалы «Анатомии протеста — 2»
Пройдут фоноскопическую экспертизу,
Кто и когда говорил слова,
Когда страну разваливал снизу.
И требовал в помощники граждан грузинской
национальности,
Желательно по подрывной специальности.
Екатерина Самуцевич давала интервью программе
«Дзядко-3»,

Её голова, подобно голове профессора Доуэля,
Сияла, как на подносе, в пугающей темноте.
Дзядко, все трое, были те и не те,
Слегка испуганы.
А Катя — ничего, хотя тоже слегка зашугана.
Самолёт А-320 провозил над Турцией военный груз —
Утверждает турецкий хунхуз,
Янычар — значит,
Впрочем, их шмон для нас мало что значит,
А 12 ящиков для сирийских ПВО —
Это как сливочное эскимо.
И пускай турки, они не того,
Везём — чего хотим, даже на Турцию не поглядим…
«Грузинская мечта» не зовёт Канделаки в правительство
И Нану Брегвадзе, похоже, не позовёт,
Скорей весь грузинский бомонд помрёт,
Чем допустит этих женщин-VIP
В свой правительственный джип.
Да мы их и не отдадим,
Хватит с нас и Аннушек Чапман,
Мы же не приглашали шпионить их Чарли и Чаплиных
В своё правительство,
Хотя и нам нелегко было,
Сколько лет ездили на кобылах
И щёлкали на счётах,
Рассчитывая траектории звездолётов.
«На Красной площади задержаны 10 активистов…» —
Кого, за что, всё-таки не в поле чистом.
Возможно, это были коммунисты?
Шли Ленину поклониться,
Или какие-нибудь гендерные специалисты…
Однако не спят особисты.
Будут знать эти активисты,
Как шляться где ни попадя
И незнамо с какими намерениями.
С площадными вопросами ходят к мэрии

Гопники.
Теперь поглядим, почему Фабио Капелла
Не подвергает обструкции Денисова-футболиста,
Здесь тебе не Секстинская капелла
И не граф Монте-Кристо.
Наш Денисов, что пожелаем — то и сделаем,
Хоть спину ему вымажем белым,
Замазав зенитовский футбольный номер,
От этого ещё никто не помер.
А «Газпрому» виднее,
Кого бить по шее.
Яшин сегодня вызван в СК по «болотному» делу,
А вот не будет якшаться с оппозицией неумело
И с Ксюшей Собчак,
Но про Ксюшу — пустяк…
Всего делов-то на полтора лимона евро,
А вот конфликтовать с полицией —
Это уже преступление нервное.
Возможно, Яшина нужно к врачу,
Тем, в Сербского, любой Илья по плечу
И не так страшен чёрт, как его малютки.
А чёрт — кто, не из нашей будки?
Чей он клиент, незабудка?
Яшин, колись
Или на Ксюше женись.
Приданое ей вернули.
Надо было тугрики хранить не в конвертах,
А в стульях,
Подобно тёще Воробьёва Кисы…
Не слышит…
Россияне стоят 660 триллионов рублей,
А каждый работающий — 6 лимонов.
Интересно, а сколько же стоит бомж
Или уборщица в школе,
Не говоря о санитарках в своём медицинском поле?
Вот это, понимаю я, капитал. ВВП, и каждый
— личность.

Взять, к примеру, Сергей Удальцов
Объявить может любому импичмент,
И что ему проверка на каком-то детекторе
Хоть правды, хоть лжи…
Он сам при себе, а не при министре,
Не при директоре… ни даже не при мешке ржи.
У него своя улица имени прадедушки.
До такого любому Рогозину — далеко,
С пятью рогозинскими языками,
Хотя оба не умеют держать языки за зубами.
Впрочем, Серёженьке нелегко,
Он лысый — это чтоб шевелюру не съел,
Когда за правду удальцовскую голодает
И не ест даже мел.
Почему? А шут его знает!
Может, потому, что в минерале калорий нет,
Диетический, так сказать, обед…
И так далее — бесконечные новости
В информационной весомости…
А в Думе под конец дня
Ещё инновация одна —
Клеймить водителей-нарушителей
Настоящим клеймом чтоб,
Жаль, ставить не на лоб,
Как рабам в Древнем Риме,
А на тыльную сторону руки —
Пусть не пьёт,
Тогда без клейма живёт…
Может, подложить такому свинью —
И клеймить всю семью?

СТИХ 147

ДРУГУ

«Слов нет и слёз нет…» —
Когда-то писал о друге юности,
Покончившем с собой
В двадцать с небольшим лет…

Слов нет и слёз нет…
Выстрелил в грудь, словно вбил гвоздь,
И пригвоздил себя этим гвоздём
К столбу смерти.
Друг говорил, что в этом мире он только гость,
И вот… собрал все обиды в горсть,
Не знал ни о Шнитке, ни о Верди —
Был юн и прост.
Однажды он мне сказал,
Что его дядя застрелился из-за несчастной любви.
Я рассмеялся, сославшись на Экзюпери:
«Не стоит стреляться из-за девчонки.
Их много на свете этом.
Клянусь лётным билетом…»
А друг распрощался с белым светом.
Сдвинулись три планеты:
Лето — зима — лето,
Мороз по коже…
Выстрел, отнюдь не салют.
Реветь хочется, но…
Слов нет и слёз нет. Двадцать с небольшим лет.
Алексей Андреевич — его имя-отчество.
Какие там почести,
Сбылось пророчество
Давности пятилетней.
Ушёл на тот свет безбилетником.
Захлопнул дверь с той стороны…
В час тишины
И только материнский крик
В тот самый миг…

СТИХ 148

«Карл у Клары украл кораллы…» —
И, скорее всего, отнёс в ломбард.
Карл, он, конечно же, бард,
Но простой гитары ему стало мало,
Понравившаяся стоила больше,

Чем было деньжат у Карла.
А как же бедная Клара?!
Да Клара не унывала,
Она подала заявление
В отделение,
Что её изнасиловал Карл,
И тот сплясал краковяк,
Сидя в заточении…
Теперь прикидывает, на сколько
Тянет один коралл?
Выходит на столько, да ещё на полстолько
И ещё четверть столько —
«Чёртова полька, — цедит Карл сквозь зубы, —
Поделила кораллы на дольки,
А сидеть-то, выходит, мне.
Лучше бы я жил на Луне,
Даже лучше — вдвойне».
Теперь забудь про ночные клубы,
Про гитару и песни — хоть тресни.
Глупо, и где мораль?
Журналистка Анна Мораль
Описала бы этот случай,
Пусть даже сучий,
Да и Анну загасило на время
Чёртово семя!

СТИХ 149

Девушка в «балаклаве» — это аноним,
А мужик в «балаклаве» — почти онанист,
Ну и чёрт с ним,
Будь он хоть баянист,
Лишь бы человек был хороший,
А не отец Кокоши и Тотоши,
Который мочалки ест
И не вылезает из… не столь отдалённых мест,
Сиречь из болота,
Крокодил, а косит под бегемота.

И всё же мочалку в один присест,
А после мальчика напугал,
Да так, что у того разжижился кал,
И пацан после мылся долго,
Пока на кобыле не приехали волки,
А два медведя — на велосипеде,
Этакий медвежачий тендем,
Запутали всех совсем…
Лучше бы мальчик был в «балаклаве»
И не мечтал о славе.

СТИХ 150

Объявление: «Требуются энергичные
пенсионеры!»
А ещё отличные пионеры
Или аполитичные оппозиционеры…
Да где их таких только взять?
Ну, допустим, пенсионеров — рать,
А пионеров, кто их напринимал
С тех пор, как случился обвал?
Вот с оппозицией — тут шалишь,
Чтобы была благодать и тишь.
Этак власти совсем уснут,
А смутьянов вдруг привлекут…
В суд и под суд!
А там, глядишь, и законодательный блок
Объявит отток,
Этакий антипоток
в потолок, в закуток…
И в конце концов объявление:
«Требуется энергичное поколение!»
А где его взять, вашу мать?..

СТИХ 151

Осеннее желе —
Сентябрь при дворе,
Патрон уже в стволе…

Пора менять берет,
Пора менять балет
И с улиц убирать
Все танцы в стиле НЮ,
И в шубы одевать
Всех этих балерин:
Наташ, Марин и Зин,
Развеивать их сплин…
Не видно из-за спин,
Кто вместе, кто один.
Я мысли прочь гоню
О первых холодах,
Безмолвии в садах,
Безумии в глазах,
Бесчувствии в сердцах…
И бледности лица,
И хлёсткости словца.
В придворном октябре
Рак свистнет на горе,
И всё… придёт зима,
На горе от ума,
На чёт или нечёт,
На вычет или в счёт,
И так из года в год.

СТИХ 152

Девочка рисует маркером
Человечков на хрупком стекле,
Разных и много,
И в глазах у девчонки тревога
От рисунков угловатых и строгих.
На этом прозрачном вертикальном столе
Человечки, рукастые, как веточки на стволе,
А ножки, как зубья пилы,
С которой она на ТЫ,
Потому что уже понимает,
Что она хоть и та,

Но уже другая,
Родилась не с того края.
«Все разные — все равные», —
Худенькие и справные, невзрачные и славные.
Девочка, кажется, обжилась за стеклом.
Это почти как дом,
Не пресловутый Дом-2
И не сладенькая тюрьма
Для деток-малолеток.
И если сломается этот дом,
То первой сломается эта девочка —
Хрупкая веточка…

СТИХ 153

Нынче партий цвет неистов,
А на деле самом —
Все они из коммунистов,
Как дитя из мамы.
И у каждого свой путь,
Своя сотня версий…
Маму хочется куснуть
Каждому за перси.
Почему бы не кусать —
Всё равно пустые,
Что с того, что это мать,
Главное — Россия.

СТИХ 154

Когда «Единую Россию»
О чём-то невпопад спросили,
Они схватились за мандат,
И любопытный был не рад.
Когда спросили коммунистов:
«Ваш буйный нрав и впрямь неистов?» —
Они укрылись за билет,
И в этом был их весь ответ.
Когда спросили либералов:

«Чего вам, парни, не хватало?» —
Они схватили микрофон
И предложили выйти вон.
Спросили б «справедливороссов»,
Те уклонились от вопросов…
И так с утра до ночи в Думе,
А кто б иначе мог подумать…

СТИХ 155

Былое пугает своей прямотой,
Бездушно страшит из рассейской глубинки,
И эхом, как из керамической крынки,
Всё чаще утробно гудит над тобой.

Всё выльется в некий мифический ряд
И будет тащиться за проклятым родом.
Куражиться, дескать, и мы из народа,
Отнюдь не желая вернуться назад.

Шагнуть через страшный недавний излом,
Что шрамом на теле несчастной России, —
Кровавые вьюги, дожди проливные
И брошенный в страхе родительский дом.

А прошлое следом идёт по пятам,
Как тень по кустам незнакомой дороги.
И пусть отпечаталось в память немногим,
Но хлещет и этим оно по губам…

СТИХ 156

Для всех Бог един, а у тебя — свой,
Понятливый и простой.
Правда, не молод, к тому ж седой,
Но всё равно Бог.
Когда приспичит — к себе зовёшь,
Умоляешь его войти
В твоё положение, и входит Бог

В напасти все твои…
Когда у тебя всё хорошо,
Его уже не зовёшь,
Полагая, что Бог никуда не ушёл,
Как, бывает, уходит дождь.

И богач, не ведая, что и как,
Грозит ли ему беда,
Нищему молча суёт пятак,
Подстраховывается всегда.

А Бога надеется провести,
Задобрив его через храм…
И полагает, что крест нести
Пристало лишь беднякам.

СТИХ 157

Себя мы тешим самомненьем,
Что мир добрей обязан быть
Для нас, и жаждем с нетерпеньем,
Когда же нас начнут ценить?

СТИХ 158

Терпеть других, терпеть обиды —
Всё это, впрочем, ерунда,
И несогласие для вида
Терпеть всевластие суда.

Выходит, правда — просто глупость,
А ложь… опять одно враньё,
Геометрическая тупость
И в голых ветках вороньё.

Да бесконечные потери
На перепутье бурных лет,
Неврастения от истерик
И еле видимый просвет.

Когда уверуешь в планиду,
Что предначертана тебе,
И в церковь ходишь лишь для вида,
Но покоряешься судьбе.

СТИХ 159

Ветров осенний хоровод,
Туч бесконечное круженье,
Души беспечное смятенье
И допетровский Новый год.

Всё шелест листьев по ночам
И запоздалое ворчанье
Грозы, времён припоминанье
Тех, что милы так были нам.

Где дни, которые прошли
Так незаметно и бездарно,
Так суматошно-лучезарно
И скрылись в солнечной дали?

Прощу ли я другим, себе
Их невозвратную утрату,
Как неминучую расплату
В уже сложившейся судьбе?

СТИХ 160

Ломоть стареющей луны
Висит над кукурузным полем,
И, кажется, посыпан солью
Был край с неясной стороны.

Гастрономический пейзаж
Осенней ветреной погоды,
И стихшие в душе невзгоды
Разбудит призрачный мираж.

Неужто повторится вновь
Тоска, томление, укоры,
Пустые наши разговоры,
Стремление играть в любовь,

Листание забытых книг
И ожидания мессии,
Стенанье о судьбе России
На фоне сплетен и интриг…

Не знаю, этак или так,
Пора чему-нибудь случиться
И отпечататься на лицах
Печатью бывших передряг.

СТИХ 161

«Вот одинокий дом,
Заброшенный теперь.
Здесь жил учитель мой…»
Когда-нибудь и обо мне так скажут,
А может статься, не заметят даже,
Пройдут, не оглянувшись, стороной…
Вот одинокий дом.

СТИХ 162

ВЛАДИМИРУ КОВАЛЕВУ

Может статься, что последний год,
Из друзей его, я провожаю,
Дни идут, и сам стою у края
Всех моих мечтаний и хлопот.
Город тоже далеко не тот,
Ко всему, видать, приноровился,
Китежем на дно не опустился,
Хотя всё-таки убавил ход.
Двадцать первый век иных надежд,
Постановок новых и решений,

Взлётов мысли и поползновений,
Гениев, преступников, невежд…
Мы же из двадцатого с тобой,
Друг ушедший, Ковалёв Володя,
Земляки, как говорят в народе,
В общем, с одинаковой судьбой.
Не сошла поэзия нам с рук,
За неё сполна мы рассчитались.
Вот и преждевременно расстались…
Сузился ещё немного круг.
Так и будем провожать друзей
По дороге северной за город…
Скопище расстроенных людей
В эту замечательную пору.

Зябко, хотя август и жара:
Слёзы, астры, георгины, речи.
Гаснут оплывающие свечи,
Тихо гроб выносят со двора…

СТИХ 163

СЕЗОН ОХОТЫ

Сезон охоты открыт на мышей
По квартире всей,
Приказ не щадить ни взрослых, ни малышей.
А куда их девать,
Если там тать на тате («Это неправда, тятя!»)
Психолог, исследуя феномен,
Скажет:
«Это не ограничится пространством квартирных стен…»
А психолог, он, как геолог,
Сканирует разума пласты,
Где стоят на множестве полок
Многочисленные твои фобии
И только некоторые полки пусты…
А тем временем мыши, или их подобия,

Охамели, не уступая ни полушки,
На митинги двинулись с плакатами,
Не боясь, что им вкатят по «двушке»,
Особенно тем, кто ходил с мышатами,
А другие то ли телевизора втихаря насмотрелись,
Требуют свободы поведения на кухне
И таких изображают из себя менестрелей,
Что у мух и тараканов уши пухнут.
Короче, развели тягомотину,
Все со всеми поцапавшись абсолютно,
Даже кошки перестали лизать блевотину,
А сами стали рыгать под утро…
Мыши же деградировали постепенно,
А не переродились, как мечтали, в крыс,
И теперь по углам стоят на коленках
И даже кошкам не говорят: «Брысь!»

СТИХ 164

К ВОПРОСУ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

Обещано общее блаженство,
Райские кущи на том свете
В обмен на смирение на свете этом…
А совершенство?
Совершенство забили.
Вот вместе с гробом тебя в землю забили.
И пошёл ты испытывать эту лафу…
Лежишь, как будто прилёг на софу,
И… начинается за разом раз
Бесконечный оргазм,
Верней, суррогат оргазма,
Его духовная замена
Или как отдохновение над унитазом:
Ох да ух! Потом затих
(сходил за двоих),
Но опять же не наяву, а в уме,
Как во сне.

Вот и думаешь со злости такое:
«Да когда же наступит состояние покоя,
Без этих охов и ахов?»
Но весь райский мир одинаков
И, представьте себе, — без мук,
А самый на земле примерный
Твой кумир, отец Кирилл,
ОН тоже тут.
Только вижу — один жмурик не выдержал,
Из рая его волокут.
Из рая куда?
Не знаю.
Скорей всего, в ад.
То-то рад.
Кричит: «Уж я-то там оторвусь,
И накурюсь я там и напьюсь… с чертями.
Говорят, они заодно с нами!»
Дурачок,
Про вольности в аду — молчок,
А то опять сволокут…
Куда?
Тащить верблюда!
Назад, откуда на небо попал,
Может, в Непал,
Германию или Россию.
Нет, нет, умерла так умерла…
На земле я давно истлел,
И кости мои белее, чем мел,
В обугленном чёрном гробу.
Тьфу, тьфу, тьфу!
Типун вам всем на язык
За такой бзик!
Ладно уж, пьянствуй здесь,
Но к чертям не лезь
И к главному не приставай,
А то опять загремишь… в рай!

СТИХ 165

«Огней так много золотых
На улицах Саратова…»
А здесь уже вам не чих-пых,
Привязанность к женатому.
Жена узнала, где я был
(я лгу почти по Вицину),
Кричит: «Ты, милый, педофил…» —
И сразу звяк в полицию.
Она и справки навела
У той, моей, не сплетня ли,
Такие мутные дела —
Есть дочь немноголетняя.
Друзья советуют: «Да брось
Любовницу и доченьку
Или с женой живите врозь…
Раз в месяц суй ей сотенку.
Мол, сокращения, то да сё…»
Жена опять в полицию,
А это вам не «Моньюсё»,
Здесь драма чище вицинской.
Георгий был великий лжец,
А ты, приятель, не жилец,
Считай, пришёл тебе ПИПЕЦ!
Мораль — супруга молодец,
Хоть и разрушила семью,
Но мужа втюхала в статью
И посадила на скамью,
И можно говорить: «Адью!»

СТИХ 166

ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА

Тело человека как элемент искусства,
И сразу многое по ассоциации:
Тело человека — полигон для пыток,
Для инсинуаций, как предмет сочувствия…

Тело человека в концлагерях у наци
Приносило прибыль в несколько марок,
А если применять водородную бомбу,
То можно тело уничтожить без помарок.
Тело можно спрятать в катакомбы,
Как делали, например, партизаны,
А можно превратить в зомби
Или предмет вожделения к телам куртизанок.
Тело аптекаря,
Тело библиотекаря,
Тело физкультурника
Тело… тело… тело!
Тело балерины на «Дожде» — перформанс:
Трюки, представление,
Считай, раздевание до обнажения,
Поползновение… но такая форма.
Тело человека обёрнуто, как конфета…
Хорошо это, да только тело
Не вернуть с того света,
А душа прилетает сама к тому,
Кто скучает по ней и зовёт.
Телу без души тяжело одному,
А душа без тела — живёт.
Вот и закончен экскурс наш
В разновидности и особенности тела,
А ещё тело — простой карандаш,
И он всегда пишет только на белом…

СТИХ 167

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОРОДА МИНУСИНСКА

Я путаюсь в речках города родного,
Их три Минусинки, а может, семь.
Реки на карте — это как синие бороды,
Почти безобидны или безобидны совсем.
А ещё реки сравнивают с голубыми артериями,

Подозревая, что вода в них течёт, как кровь,
И сердце бухает, как бухает артиллерия,
Заставляя подрагивать эту систему вновь.
То, что на реках жизнь зарождалась, — точно,
Приходили и строили крепости у реки
Или на карте знакомились с местом заочно,
Планируя, где ставить укрепрайоны свои.
Всё у людей было связано только с реками.
Вот и те, Минусинки, главная из причин,
Что город мой был заложен на них человеками…
Вылезли на берег из лодок своих и овчин,
А дальше банально до неприличия,
Теперь город есть, а речушек фактически нет.
Даже Енисей, сибирское наше величество,
Поджал хвост и высохнет через сто или меньше лет.

СТИХ 168

Сидеть за компьютером, пока не заноет грудь,
И выискивать, пока не устанут глаза,
А найдя, увидеть такую голубую муть,
Про которую мягче и выразиться нельзя.
Где тебя ошарашат бессмертные чьи-то творения,
Премиальные списки и их соискателей ряд,
А ещё однотипные и заумные стихотворения,
Что в смятении полном ретируешься ты назад.
Ну, назад, так назад,
Только всё начинается заново:
Пожурнально и пофамильно, поидейно и просто ПО…
И мелькают все эти Петровы, Могилины,
Ивановы и прочие,
Даже можно найти Лимпопо…
Лимпоповы и прочие, прочие, прочие,
Но ведь пишут же граждане,
Пишут на пользу стране,
А вот если бы ставить вместо слов одни
многоточия,
То и этим отточием были довольны вполне…

СТИХ 169

Страны не стало, но осталась беда,
Даже ещё прибавилось проблем.
Хочется говорить НЕТ,
А говоришь ДА,
Хочется пожертвовать малым,
А жертвуешь всем.
И вот вылезает, как крокодил из Нила,
Именно крокодил, а не из саванны жираф,
Проблема пенсий для умников и дебилов,
И пенсионный фонд стоит на ушах.
Отсюда ещё и демографическая проблема —
Это кто же станет кормить стариков?
К тому ж под ногами крутится богема,
Толпы бородатых и очень крутых мужиков.
Охранников опять же расплодилось много.
Каждый в униформе и не производит ни шиша,
Эти тоже к старости не думают о прокорме,
Надеются на халяву и на льготное ЖКХ.
Ко всему и чиновников вспомнить можно,
А также защитников-силовиков,
Тоже, понимаете ли, живут неосторожно,
В отличие от шахтёров, металлургов и буровиков.
Короче, длинным получится повествование
О крепких проблемах стареющей новой страны…
Впору и ей самой вставать в очередь за подаянием.
Закончится нефтянка, и загрызут «тигры» или
Напрочь затопчут «слоны»…

СТИХ 170

О ВРЕМЕНИ

Время независимо, существует само по себе,
А люди с усами по себе — сами.
Упражняются поутру в ходьбе
И в ней же упражняются вечерами.
А время течёт и даже бежит с другой скоростью —

Вечером уходит вперёд,
Утром отстаёт слегка.
Удивлён народ, почёсывая бока,
И решает его осадить,
Обзывая то зимним, то летним,
А время продолжает себе бузить,
Оправдываясь привычками тысячелетними.
Люди же несильны в истории,
Как всегда, ругая свои правительства.
Вообще-то, зря горячатся и спорят —
У правительств нет в небесах представительств.

СТИХ 171

Стареют женщины под своими мужчинами,
А те смотрят на них потом уничижительно,
Женщина не понимает, в чём причина,
Вроде бы вела себя положительно.
Старалась угодить скрытому женолюбу,
Повкусней приготовить, помягче постлать,
А тот презрительно кривит губы,
И ему по большому счету начхать,
Как чувствует себя «любимая» женщина.
Дело разве в этом, оно в другой,
Отсюда и настроение у него переменчивое,
И в отношениях наплевательский настрой.
Она подушечку ему в изголовье,
Ей и надо-то взгляда доброго всего,
А вот если б в отместку завела любовника,
Посмотрели бы на рогатого, на него.

СТИХ 172

Если беден, Бог для тебя всё и ещё чуть-чуть,
Бесхитростны бедняка вера и путь,
Если богат, то веришь ты
Просто на всякий случай,
Чтоб капиталы твои не улетучились,
Забывая о том, что смертен человек

И у гроба карманов нет.
Думаешь, будут деньги и всё отмолю навек,
Да чтоб хватило ещё на детей,
Братьев своих и жену…
И ни в коем случае на страну,
Потому что страны у тебя нет,
Впрочем, как и любой другой,
У тебя не паспорт, а, скорей, билет,
Да не белый, а голубой,
Голубой-голубой, как твоя мечта,
Ставшая былью вмиг…
Правда, врачи говорят — киста,
Да что там киста, старик…

СТИХ 173

Неужели те женщины, которые молодые,
А где же старые, толстые или худые,
Где с лицами испитыми,
Детьми и мужьями избитые?
Все они хотят любви и ласки,
Но относятся к этому с большой опаской,
Обжёгшись однажды на молоке,
Готовы дуть на простую воду,
Чтоб уступить судьбе в угоду,
И к цыганкам идут погадать по руке…
Те стараются, видно, очень,
Хотя вселяют надежду беспочвенно,
Среди вымирающих напрочь мужчин
Вряд ли найдётся хотя б один,
Кто разделит с такою кров,
Освободит от комплексов и оков,
Поведёт в альков.
Эти женщины век свой длинный
Доживают в полном одиночестве,
А мужей вспоминая, называют по имени-отчеству
И молчок про грешок невинный,
И запашок весьма крепкий винный,

Который свёл мужика в могилу.
Тем самым жену ударив в спину,
Превратив в развалину и почти… в скотину.
А кто виноват?
Да наш брат.
У меня нет рецепта, как женщинам этим помочь,
Но есть рецепторы, воспринимающие их боль…
И когда мы вместе покинем земную юдоль,
Я им место своё уступлю… в раю.
И чтобы прошли, настою.

СТИХ 174

Шиповник красный в целлофане,
Прошли дожди, и вдруг мороз.
Ещё октябрь нас обманет
Не раз и два, так в чём вопрос?
Ещё налиты кровью стебли
Его кустов, сюжет не нов,
И разлетается, как кегли,
От кошки стайка воробьёв.
Ночное время стало ближе,
Берёт за горло нас зима
И хиусом всё чаще нижет,
И люди ёжатся в домах —
Тепло включают поэтапно…
Старухи газ на кухнях жгут,
Торгуют спиртом тихой сапой
И так же, тихой сапой, пьют.
Всё — обескровлена природа,
Хотя прошла лишь пара дней,
И ждать смиренья от народа
Власть придержащим всё трудней.

СТИХ 175

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю эту бабу — малиновый рот,
И обвисшая грудь до пупка достаёт…
Не любовница мне, не сестра, не жена,
Я готов её выпить, не морщась, до дна.
Я пишу ей, но так, отвлечённо пока…
Она старше меня, и в морщинках лицо,
Если кто и поймёт меня, то Пикассо.
Я готов за неё хоть на корт, хоть на трек,
Её запросто выписать мог бы Лотрек,
Тот, который Тулуз,
Шалопай или туз,
Друг французских клошаров
И французских же шлюх.
Рядом с нею ахматовский образ потух,
Я люблю, посему окончательно глух,
Окончательно туп,
Окончательно нем.
Я люблю эту б… сам не зная зачем,
Тяжело, всем надорванным сердцем своим…
Стук часов, он царапает даже стекло,
Полночь-заполночь, крепко, видать, припекло.
Может, кто и смеётся над страстью моей,
Это ветер в железных ветвях тополей.
Он их будет теперь тормошить до утра,
Я рукою веду по изгибу бедра.
По изгибу веду всё смелей и смелей…
Что мне делать с проклятой любовью моей?
Она старая, ласки ей мало нужны,
Она жмётся к холодному глянцу стены,
И глаза её горькой печали полны…

СТИХ 176

МЕЖЕНЬ НА ЕНИСЕЕ.
ПАМЯТИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

«На дубовых коленях стоят города…» —
Так не скажет никто, ни за что, никогда.
Впрочем, нынче хоть матом сказать — ерунда,
Не боятся «басманно-тверского суда»,
А по Каме всё реже проходят суда,
Не снуют ни туда, ни сюда не снуют,
И на Каме уют, и за Камой уют.
Под речными мостами находят приют
Те, которых родные уже не найдут.
А у нас Енисей обмелел на беду
Всех, кто дул в тростниковую дудку-дуду.
Теплоходы стоят, словно вмёрзшие в лёд,
Капитанов озноб среди лета дерёт,
И туристы бредут параллельно реке,
За плечами горбы рюкзаков, налегке.
И речная веста не летит в высоту,
А лениво лежит, уподобясь мосту.
Перекаты, как шкиперов пятки, сухи,
В деревнях замолчали давно петухи,
И леса, что горят борода к бороде,
Отражаются красным в стоячей воде.

СТИХ 177

Поэты любят этак завернуть:
То молоко из розоватой глины,
То молоко камней, то мясо из резины…
А молоко из радуги — какое?
Скорей всего, наверное, парное
Или другое?
Теперь уже не спросишь Мандельштама,
Какая у того была программа.
А молодых?
Из устриц — молоко…

Но пить его, пожалуй, нелегко,
А молоко из горных хрусталей,
С такою розоватой лёгкой пенкой,
Любимое у горных егерей,
Они охотятся за ним, содрав коленки…
Да, незавидна участь молока,
Когда его касается рука
Продуктом удивленного поэта.
Спасибо скажем мы ему за то, что это молоко, а не пальто…

СТИХ 178

Осень. Развешены на деревьях
Яблоки — первый сорт,
И петухи горланят в деревне,
А в форточку лезет вор —
До чего же простая картина жизни,
А где-то стройки и полигоны,
Радиация прёт из дыр,
В городах бедолаги-вороны
Делят халявный сыр.
Дожили, форварды с зарплатой в кубе
Ставят своего тренера на колени,
Болельщики просят в футбольном клубе
Ввести прямое президентское правление.
Сказать, что во всем виновата осень,
А не Чубайс и другие лица…
Так вскоре, глядишь, и министра попросят
В кочегарке какой-нибудь распорядиться.
Вот житуха у нас наступает:
Правительство — это слуга народа,
А значит, и брёвна пусть, как Ленин, таскает
И футбол курирует, если угодно.

СТИХ 179

У потребителей спиртного
День начинается рабочий,
Все убеждаются воочию
И говорят: «А что такого?»
Подумать только, выпить столько
И не моргнуть косеющим глазом,
Потому что ни граммочки ни горько,
Когда с утра и уже под газом.
Вокруг одни спиртоторговцы
И потребители продукта,
Хотя эти самые работорговцы
Почти совсем не покупают фруктов.
Одни всё копят, копят, копят,
Другие тратят, тратят, тратят.
Одни под меценатов косят,
Другие — под шпану и татей.
А как же быть с интеллигентом,
Который пропил всю науку,
Все компоненты и реагенты,
Ему попавшиеся под руку?
Как быть с учительницей в загуле,
С автолюбителем безглазым…
Троих старушек как ветром сдуло
И на тот свет отправило сразу.
День начинается с работы,
Менты плечами пожимают,
Глядя на очередь к воротам,
Где чохом всех грешников прощают.

СТИХ 180

Говорят, все люди живут в коробках,
И дома их — коробки
(отсюда и люди робкие),
И костюмы — коробки,
И автомобили,
А как без этого — и зябко, и знобко…
Даёшь коробки!
Всякие «Шевроле» и «Мэрсы» —
Кати хоть до самой Персии,
К Ахмади Ниджаду,
Только выбери правильную автостраду
И тогда развивай эту версию…
А ещё есть черепные коробки,
Такая участь мозгам уготована,
Быть в коробочку упакованными.
Много ли хорошего в таре такой придумаешь,
Даже если даже очень крепко подумаешь?
А ещё хоккеистов берут в «коробочку» —
Это когда жмут с двух сторон третьего,
Словно в очереди на регистрацию
Где-нибудь в Шереметьево.
Ну и посыл у этой теории,
Ерунда — не более.
Вот Сальвадор Дали
Любил рисовать шкафчики и коробочки,
А ведь какой был затейник:
То часы у него потекли,
То слоны разные на туфлях-шпильках —
Чистой воды сюрреализм —
Овеществлённый фрейдизм.
Но всех обхитрил сепремат
Казимир Малевич —
Иван-царевич,
Изобразив «Чёрный квадрат»,
И был ужасно рад…
Вроде бы простой агрегат «Нуль формы»,

А каковы реформы:
Где низ, где верх, где лево, где право?
Где белый стерх,
Боже правый,
А где президент бравый?
Взяли народ в «коробочку»
И навешали на уши лапши,
Хоть свет туши…
И выноси за скобочку!

СТИХ 181

И чего это изругался народ —
Демократии, дескать, на выборах мало.
А вы её нюхали, демократию эту,
Или кушали? Это вам не сало
И тем более не котлеты.
С нею нужно обходиться весьма осторожно,
На неприятности нарваться вполне возможно:
Раз-два и готово.
Кто сказал, что не берут за слово?
Ещё как берут и как дают…
Полный алес капут!
И чего это делается с народом,
Прямо изматерился весь
И продолжает, куда не просят, лезть
Всё настырнее год от года.
Может, почуял ситуацию революционную,
Весьма в сей момент незаконную,
Даже неразрешённую,
Цветную — серо-буро-малиновую,
Словно бабу резиновую.
Понятно, почему народ возбудился заранее,
От длительного воздержания.
Значит, нужно массы удовлетворять
И секс-шопы активнее расширять,
Вот и воцарится порядок
На всех территориях сразу,

И не будет на власти нападок
Ни от порчи и не от сглазу.
Их ещё бы побрызгать водою
Из брандспойтов весьма святою…
И не будет вам ни изгоев,
Уклонистов и прочих …истов,
Даже эквилибристов
Из панк-группы «Война»,
Да и группы такой не будет
Ни по праздникам, ни по будням.

НЕДЕЛЯ ШЕСТАЯ

СТИХ 182

ИНСТРУКЦИЯ Х...

Что делать с группой девчонок бойких,
Уже и сажали, и выпускали,
И по телевизору показывали… кусками —
Прямо голова кругом.
Может, им, как Льву Толстому,
Походить за плугом?
Да нужно других раскрутить девчат
И название им подобрать настоящее,
Отвлекающее, к примеру «Ол райт!»,
И где-нибудь выпустить со скандалом
И с небольшим концертным залом.
Может, в пожарной части,
Там и мужики подходящие,
Не забоятся, братцы.
Я не знаком с языком настолько,
Чтобы названия подбирать,
Но уверен, что это только
И может влияние нейтрализовать.
Опять же следить обязательно нужно,
Чтобы не вышли из-под контроля,
А то начнут всё общество тролить,
Отчебучивая такое,
Что квадрат покажется окружностью,
А культовый фаллос — простой ненужностью

Заводною.
Так вот, повторяю, бояться не надо.
Ни «Пусси Райт», ни дурного глаза,
Ни гей-парадов,
Ни группы «Фемен», одетых — топлес,
Ёкси-мокси!
Живёт такая певичка Флеминг,
Всемирно известная и старится благополучно,
А диски с ариями расходятся поштучно…
И Папе Римскому обижаться
Не приходит в голову,
Если бы даже все прихожане
Запели в голос…

СТИХ 183

«Впаяли двушечку…»
Обеим душечкам
И третьей — тоже, потом простили
Одну из этих — идущих к славе,
Кто в «балаклаве»,
Кто просто в мантиях,
Кто просто в форме,
А то и в касках,
Что те же маски…
За смену пола — толпой весёлой,
За демократию — весёлой братией…
Мда-а… не соскучишься,
А петь разучишься,
Мол, взвейтесь, вихри,
Кострами ночи…
Теперь утихли,
Звучат не очень.
Где пионеры, где бойскауты,
Моей Марфуты не видно тута?
Ползёт улита по утилите,
Поёт: «Простите меня, простите
За все рекламы о простатите,
Офшорных зонах на Кипре-Крите,

О Васюках и новых Сити…»
И не кричите.
Пройдут все сроки,
А вы не трусьте:
Отпустят Ходора, отпустят «Пусси…»
Потрусят дустом, да и отпустят,
А кто пониже — того опустят
Почти без грусти…

СТИХ 184

ПИСЬМО НА ТОТ СВЕТ

Средина осени. Температура упала
Воздуха, и рубль слегка упал…
Ну, с первым не стоит раздувать скандала,
А со вторым — это ещё не скандал.
Мы не изуверы, чтобы потирать руки,
Когда у финансистов такая беда…
Пишу не Ленину, а своей маме...
Знаешь, родная, уже много лет
У нас мужчины сами с усами,
А женщины — просто кордебалет…
Хотя под церквями по-прежнему убогие,
И каждый из них записной клеврет
Православной веры — нашей идеологии,
И это после стольких-то лет.
А на кого людям ещё надеяться:
На партию Путина или на весь этот бред?
Выйдешь в город слегка развеяться…
И хоть к нижней ветке подставляй табурет.
Везде флешмобы, и всего-то требуют
Дешёвой водки, развлечений и сигарет,
Даже национализмом уже не гребуют
И печатью любой, но предпочитают офсет.
«И когда на славу устав надеяться…»
Мы слушаем речи — сплошной винегрет,
В омоновскую форму переодеваются гвардейцы…
До свиданья, мама, и Окуджаве привет!

СТИХ 185

Чтение чужих мыслей —
Биологический блютуз,
От простых чисел —
Большой конфуз,
А от сложных?
Тоже конфуз возможен.
У других их много,
А у тебя зуд подкожный —
Завидуешь неосторожно
И живёшь односложно.
Хотя без денег жить почти невозможно.
Возникает конфликт,
И весьма сложный,
С самим собой и с неадекватными родителями,
Которых считаешь
Едва ли не вредителями.
Е — два, Е — четыре… тоже мне комбинация,
Вот провернуть бы финансовую операцию
Или «негром-вахтовиком» на плантацию,
В рабы к успешному другу,
Может, подтянет тебе подпругу,
И пахать без передышки
До карусели в глазах и до отрыжки…
Только так ты, приятель, не разбогатеешь,
Если мозгами шурупить не умеешь,
Если в голове творожная масса,
Значит относишься к другому классу.
И в массе этой подобно зёрнам изюма,
Революция очагами, это ж надо подумать,
А потом удивляемся, что за булки
На плечах такие
У людей в России.
P.S.
А жена в постели посверкивает глазами:
— Уеду к маме!

СТИХ 186

ШУТКА

Май одиннадцатого года,
Мне подарены стихи
Про любовь и про погоду,
И про девушек бухих.
Кто девчонкам нашептал
Про дела в постели?
Нужен профессионал,
Например, Емеля.
Чтобы этот паренёк
Щучье знал заклятье,
Только девкам невдомёк,
Позадрали платья.
А теперь идут стихи
Про любовь коварную
И что водку нужно пить
Только лишь отварную.
Значит, дело было так,
Книжка мне подарена,
Рассуждений — на пятак,
Даже есть про Дарвина
И что деда с бабкою
Развела на «бабки»
И не кошка, и не Жучка,
Сучка — собственная внучка.
Вот и думай — кто есть кто,
Если думать хочется…
Может, даже конь в пальто,
Как его… по отчеству?

СТИХ 187

Хождение по облакам
Всегда чревато,
Хотя бы чикотно бокам
От белёсой ваты,

А так — ничего, идёшь, присвистывая,
И за тем, что внизу, наблюдаешь пристально,
Вот к югу тянутся журавли
За человеком на дельтаплане,
Люди их приручить смогли…
И всё далее в таком же плане,
Теперь не знают, как отвязаться…
Вот личности двигаются на демонстрацию.
Их много, ползают как мураши
В прострации…
И даже лозунги можно прочесть с трудом,
Если спуститься чуток пониже:
«Нужно хлеб зарабатывать своим горбом!»,
«Город — та же деревня, лишь асфальт пожиже!»
А ещё политических лозунгов — тьма,
Но мы их запоминать не стали,
За некоторые может быть тюрьма,
А нас на тюрьму уже катали.
Хорошо прыгать по облакам
И прохладою наслаждаться,
Правда, немножечко зябко рукам,
А башке без шапки — нисколько, братцы.

СТИХ 188

Какие книги окружают меня,
С названиями какими:
«Валенки самурая», «Фанера — 2»
«Дезертиры сна» и другие.
А какие люди писали их,
Фамилии мало о чём говорящие,
Но я знаю товарищей этих моих,
И это товарищи настоящие.
Конечно, нельзя подбирать кое-как,
Хотя бы книги через сито отсеивать,
Одно дело — Арбенина, другое — Пастернак,
А теперь Моисеев лезет в рифму к Есенину.
Понимаю, и Пенкин — не поэт, но чудак,

И очень способный Серёжа Шнуров…
С кем хочешь поспорю, хотя б на пятак,
Что многие из них не шуты, так гуру.
А вот БГ — и поэт, и музыкант,
То в одну, то в другую крайность бросается,
Зато, ребята, не подписант
И очень порядочен, каковым и считается.
Пора Борисов и Дмитриев подключать,
А то ещё вот — Ленор Горалик,
Которых читать вам не перечитать
И слушать не переслушать —
Кралей и кралек.

СТИХ 189

ПРЫЖОК

Первый парашютист, превысивший скорость
звука,
Заявил, что лететь к Земле сплошная скука:
Ни ветра, ни хлопков, ни крутого мата,
Понятно, курировали не наши ребята.
Австриец вылетел вниз из стратосферы
И побил рекорд падения сверх всякой меры,
Наконец-то имя огласить пора —
Феликсом Баумгартнером он был с утра.
Это надо же… в свободном падении!
8 миллионов и даже с лишком
Следили по мониторам, писая в штанишки…
А что, 39 тысяч метров — высота не шутка,
А скорость падения 1225 км в час — даже не
прибаутка.
Летел колбаской около пяти минут,
Как по Малой Спасской — на земле тут как тут…

СТИХ 190

БУНКЕР СТАЛИНА

Я нашёл потерянный кем-то чертёж,
Видно, выбросили и читать не стали…
Он весьма на подземный город похож,
В котором мог бы скрываться Сталин.
Я внимательно изучил этот документ,
Город, однако, запутан слишком,
Зато в таком вражеский элемент
Не найдёт вождя ни за какие коврижки.
Краем уха слышал — это под Москвой,
И не для отдыха, а для кипучей работы,
Пусть что угодно над головой,
Здесь, как сыру в масле или в банке — шпротам,
Говорят… вот бы где и мне погулять,
Там тепло и светло, значит, можно ночью…
Но, подумав, струсил и потерял опять
Чертёж этот, а вдруг он и сейчас рабочий…

СТИХ 191

Всё будет впереди
В какое-то мгновенье,
Прожитое уйдёт,
Растает без следа,
И если вспоминать,
То мамино печенье,
А если забывать,
То детство — навсегда.
А если говорить,
То правду и немногим,
А если замолчать,
То лучше — навсегда.
Молчат же дерева,
Поляны и дороги.
Печальная в ночи
Молчит моя звезда.

Она молчит, молчит,
А небо дышит, дышит…
Зелёное, как звон
Испуганных цикад,
Но кружат облака,
Играя в третий лишний
С умильною луной
Который день подряд.
Всё было и прошло,
Не обмануть природу,
Сдвигается земля
С орбиты ясных дней,
И ось её стучит
Сильнее год от года,
И сполохи над ней
Всё ярче и красней…

СТИХ 192

Я — ТЕТКИ МАРЬИ ДИВЕРСАНТ

Друзья, я против экстремизма.
Долой все стройки коммунизма!
А тем, кто против, ставить клизмы
И говорить: «От ревматизма».
Я за решение вопроса
Увода женщин из-под носа…
Тем паче девушек-невест
И водворенья на насест,
Но не по их девичьей воле,
Держать, как узников, в неволе.
За применение шутих,
За собеседников глухих.
Я против шума городского,
Отказа честного… от слова,
За недержание мочей,
Я против всяких сволочей.
Против улыбочек любезных,

Рукопожатий бесполезных…
Я обыватель и педант
И тетки Марьи диверсант.

СТИХ 193

Мы — поклонники чистой поэзии,
Но пора бы и меры блюсти,
Рифмовать амнезию с раффлезией,
Честь и то, что теперь не в чести.
Распадается тело на атомы,
Распадается совесть на слизь.
По известной дорожке накатанной
Все потоки в единый слились.
И всерьёз присосавшийся к «ящику»
Верит всем на глазу голубом,
Превращаясь в пещерного ящера
С доморощенным синим горбом.
Затирая, как кровь, следы прошлого,
Мы вперёд не стремимся идти,
И всерьёз объявляя как пошлое
То, что значилось прежде в чести.

СТИХ 194

Когда белый троллейбус поднимается в небеса
И скользит в облаках, уподобясь волшебной птице,
Начинаешь верить в маленькие чудеса,
А там и рукой подать до того, чтобы не влюбиться.
Когда сквозь толпу поднимаешься на эшафот,
На ходу огибая маски, сляпанные под лица,
Понимаешь — не скоро тебе повезёт
И опять невозможно в кого-нибудь не влюбиться.
Когда жёлтые листья уже сквозь тебя несёт,
Как несли подавальщицы к столикам круглую пиццу,
Принимаешь всё сразу: и троллейбус, и эшафот,
И в осенних лесах голубую, как снег, лисицу.

СТИХ 195

Песни «Битлз»,
«Ночные снайперы»,
БГ и прочие «Машины времени»,
И любопытствующие драйверы…
Чего бы ещё найти среди рифов,
В бликах подводных хитросплетений?
А тебе хотя бы окунуться просто
И так же просто чуть-чуть поплавать,
Провожая взглядом катера и яхты, а ещё баржи,
От счастья плакать,
Хотя в воде это бесполезно,
Но что делать, если не выплакался однажды…
Ночная музыка… лежишь бездыханный
В обнимку с кушеткой,
И тебе нечего предъявить миру,
Разве свою совмещённую квартиру
С истеричкой-соседкой,
Санузлом и ванной…

СТИХ 196

К ВОПРОСУ О ВАЯНИЯХ И ИЗВАЯНИЯХ

Приветствую вас, памятники и скульптуры,
Бьющие неотразимостью не в бровь, а в глаз
По всей нашей абаканской субкультуре,
И всё это начиналось уже при нас.

Слева на углу и весьма неслабо
Мужик на четырёх бочках весёлый сидит,
Потакая вкусам алкашей из паба,
Говорят, исландского, а вполне русский на вид.

К тому же без кружки и даже ложки,
Может, атрибуты спилила шпана?
Утром хозяева помозговали немножко,

Да и успокоились, а смыслу — хана!
А может, он, наклюкавшись, объясняет прохожим,
Какая в Исландии не жизнь, а лафа…
Слегка на Эрика Рыжего смахивает рожею —
Это он до Колумба в Америке побывал.

Осень в разгаре, хотя не мёрзнут ушки,
И мухоты нету — сплошная благодать,
А неподалёку в сюртучке — Пушкин,
И тоже не мёрзнет — сибиряк, видать.

Молодой и с тросточкой, неженатый вроде,
А уже сказки писать мастак…
И всё-таки явно одет не по погоде,
Может, мастер подумал — сойдёт и так.

В аллейке герои его произведений —
Какой-то замухрышистый сказочный народ
Из простых фантазий в обработке гения…
Первым, как положено, у дуба — кот.

Надо бы заметить — дуб весьма нелепый,
Прямо хиловатый имеет вид,
Правда, и котяра недоволен цепью,
«Кажется, собачья», — с усмешкой говорит.

От кота направо и чуток в сторону
Лебедь есть в наличии, а коршуна нет,
Не слепили коршуна, так хотя бы — ворона,
Тоже птица всё-таки, а не велосипед.

Дальше, у фонтанчика, не видать русалки,
Рыба есть мордастая, этакий мутант…
Создавалось чудище явно из-под палки,
Или созидатель был скрытый диверсант.

Как он исхитрился нам морского окуня
Впарить вместе с жабою, не уразуметь?

Видно, вдохновения был весьма высокого
Или было сказано — не жалеть «цветмедь».

Тоже мне раскаркался, ты бы видел Ленина,
Вот где бронзы втюхали — тысячу пудов,
Но уже в пальтишечке — время-то осеннее,
И дождинки падают на костюм с усов.

Бык ещё — чудовище мясокомбинатское
Есть, почти за городом — этакий муляж.
Проявлял, позируя, он терпенье адское,
А потом натурщика — людям на фураж.

Вижу пеликанчиков — зрелище отвратное,
Если с «Манакова» к «Мелочам» иду,
Этих изваякали с чего-то непонятного
Явно в перестроечном девятьсот… году.

Впрочем, унывать-то нам не годится, братцы,
Малость поднатужимся, не уступим в жисть,
С Красноярском-городом успеем пободаться,
Вот бы подучиться чуть, да бронзой запастись.

P. S. Памятник, скульптура — это та, что память,
И не каждая скульптура памятник, господа.
Есть такие, знаете ли, чурбаны с глазами,
Зряшные и зрящие, не скажу куда.

На кого-то просто не хватало бронзы,
Маленького сделали, только и всего…
Это вам не прежние бронзовые бонзы,
Пальцем не показывать, а не то… того!

Вообще-то, хватит нам сучить ногами,
Давайте о дорогах лучше говорить
И о новостройках, почти как на Багамах,
Чтобы новостройки эти в лужах не топить.

СТИХ 197
СТРАННАЯ ДЕВОЧКА–КНИГА

Странная девочка подарила мне странную книгу,
Всё равно что в кармане показала фигу.
Очень много чего, без пол-литра не разобрать,
Но раз подарила — нужно читать,
А то спросит, встретив случайно:
— Читали? — и уши мои запылали,
Вспомнится эта странная книга
И слегка виртуальная, но всё же фига,
И осознание себя как полного идиота.
И совру ей, не моргнув глазом даже на йоту,
За всех нечитателей сразу
Про то, что вроде бы да… и что понравилось —
Почти без фальши,
А она подумывает:
— Ври дальше!
И вскоре напишет вторую книгу,
А там и третью азартно и неустанно…
Только где ей набраться столько карманов?

СТИХ 198

Московская городская организация
Союза писателей России
Меня наградила медалью Чехова
(не думайте, мы не просили).
Награда литературная, льгот нет,
Да и на мне клином не сошёлся свет.
Хотя, согласитесь, приятно, братцы,
С бухты-барахты лауреатом оказаться.
Не олимпийский, но медалист,
Спасибо, заметили хоть москвичи,
А у себя на жительстве я авантюрист:
Получил инфаркт, работу бросил,
Что преступление — не факт,
Но под кого-то косит.
А в аннотации написали:

«За верное служение отечественной литературе».
Да я бы и не отечественной служил верно,
Беда в том, что языки знаю скверно,
Верней, вообще не знаю,
Только по-нашему и болтаю,
А так бы — выучить мне испанский
Или корейский, тоже не хулиганский,
А вот в китайском много… тьфу…
Всяких… и не только: кто есть ХУ?
М-да-а, задали мне москвичи задачу,
Теперь осталось построить дачу
И переписать все свои опусы заново,
Лет за 20 смогу, подобно Иванову —
Художнику. Тот в Италии, правда,
Но творил для России весьма исправно,
Но я-то бывший комсомолец и пионер,
Должен беспартийным подавать пример
И свой отдалённый угол не забывать,
Если этот геометрический элемент
Вовсе не торопится тебя награждать…

СТИХ 199

Я выхожу за порог во вчерашнюю осень,
Я вспоминаю пирог с малиновой начинкой,
Который сам в рот просится —
Этакой вкусной виртуальной льдинкой…
Порой мне кажется, я придумал своё детство
Только для того, чтоб меня жалели.
И куда от придумки этой деться?
Может, улететь на несуществующих качелях
В страну, которой давно нет?
Не поможет, пожалуй, и Интернет,
Хотя в нём город найти,
Оставшийся на полпути
К моей несбыточной мечте:
Где и люди не те, и дома не те,
И даже мама — не та…

Меня растила тётя,
А воспитывал — дядя,
Подходя к этому вопросу сзади
Всей педагогической науки…
«Вот и ладно, — твержу тупо, —
Теперь обижаться глупо…»
Взрослые любят распускать руки,
А когда вырастает человек хороший,
Хлопают в ладоши,
А если так себе, что попало,
Говорят, что драли тебя в детстве мало
И учился ты со скандалом,
И вырос ты не то чтобы со скандалом,
А мог бы лучше, значительно…
И при этом смотрят… многозначительно.

НЕДЕЛЯ СЕДЬМАЯ

СТИХ 200

В поэзии очень много …ИЗМОВ.
Остановимся на одном — супрематизме,
Термине больше из другого вида
Искусства, гениев и инвалидов,
А ещё детей и серьёзных взрослых.
Упрощаем фразу донельзя просто,
Удлиняем и, если подберём рифму,
То не удивляемся на самом деле,
А не подберём — объявляем, что так и хотели.
И ещё — подпустим немного странностей
В виде стекла толчёного
Или дерьма мочёного.
Наиболее чувствительные барышни
Так не изъясняются,
А больше на присутствие чувств опираются
И про любовь говорят очень редко,
Разочаровались детки,
А возможно, наоборот, очаровались,
Да так зачарованными и остались
На распутье между смертью и жизнью,
Между верою и атеизмом,
Между законопослушанием и анархизмом…
А вы хотели поговорить о супрематизме?
Форме «ноль» господина Малевича
Или гоголевского Собакевича?

СТИХ 201

У меня в авторучке закончились синие чернила,
Порылся в ящиках, нашёл с чёрными и красными,
Похоронно-официальными,
А работать надо!
Тогда решил писать по очереди:
Чёрно-красным,
Пугающе ужасным.
Нет, нужно купить синие,
Но отдел закрыт,
А строчить охота,
Как по врагам из пулемёта,
Пока накатило.
Потом поздно будет,
И про чернила забуду,
И про блажь эту
Удивительную, как чудо,
И проходящее бабье лето…

СТИХ 202

Грузины считают, что надо пить молоко
И петь «Сулико»…
С такими установками жить легко.
Оттого среди горцев долгожителей столько,
А у нас только полстолько,
Возможно, что будет и четверть столько,
Если мы перестанем пить молоко
И влезать в чужие дела.
Конечно, пить «Баржоми» нам Родина не дала
В лице господина Онищенко — главврача.
Кого он вылечил, а сам бы дал стрекача…
Нет — пора открывать границы
И летать к грузинам, как птицы…
Главное — не попадать в турбины самолётов,
Разве только тем, кому жить неохота.
Вот вам и «Сулико».
Не зря её пел сам Джугашвили,
А чем это закончилось — мы уже проходили,
И многие очень долго и далеко…

СТИХ 207

«Висит груша — нельзя скушать».
А кому мешает эта груша,
Что обязательно надо съесть?
Идём дальше — треть земного шара занимает суша,
А это не бог весть сколько,
Однако и её мы вскапываем, добывая то уголь, то медь,
По пути мечтая о грушах, которые нужно кушать.
Мала суша — лезем в Мировой океан,
Как Джеймс Кук или Магеллан,
Словно они выполняли план своих монархов-покровителей,
Алчных руководителей.
Теперь другого рода инновации,
Но и другие пошли демонстрации.
Ранее — против сегрегации,
А теперь за рекультивацию
Порушенных отношений
И недозволенных местоимений.
Прежде: Я — ТЫ, ОН — ОНА — вместе целая страна,
А теперь: Я — один, сам себе господин,
И ОНА — одна,
Так какого ж рожна?
— Объединяйтесь!
— Нельзя — глобализация.
При одном упоминании этого слова
Полмира впадает в прострацию,
А вторая — бастовать и громить магазины,
Хотя не гнушаются и квартирами,
Общественными биосортирами…
Вот и подумаешь трижды,
Прежде чем войти в образ груши,
Которую нельзя скушать.

СТИХ 204

ПИРАМИДЫ ДУШИ

Для чего были построены пирамиды?
Утверждают, что играли роль гробниц,
На постройку бросают миллионы лиц,
Сливая в одну все свои планиды,
А может, это аккумуляторы энергий новых видов,
Которые подзаряжали знать,
И жрецам ли про это не знать,
Призванных исцелять инвалидов
Тела, а также — души.
Человек умирает, а душа остаётся здесь,
На небеса ей не влезть…
И вот мириады душ по земле и под землёй текут,
Сталкиваются, повреждаются,
А потом в другие тела вливаются,
И, честное слово, инвалиды души готовы!
Они живут по своим законам,
Сношаются по своим телефонам,
Знают сотни уловок,
Как обойти официальные сети,
И взрослые начинают вести себя словно дети.
Их нейтрализуют, поселяя в клиники
определённые.
И перед ними открывается прошлый мир
Необъяснимо притягательных, но гиблых дыр.
Среди пациентов складываются пары
влюблённых,
Зачастую не зависящие от пола,
Но такие счастливые и весёлые.
Хотя всё это чревато
И заканчивается усмирительным платьем,
А то и бунтом диким,
Бессмысленно-жестоким
И кроваво-безликим.
Вот вам результат малоизученности пирамид их
душ,

И пора принимать холодный душ,
А наверх отправлять солидный куш
В виде послушных и безмозглых клуш.
Туш, туш, туш!

СТИХ 205

О ЛЕОНИДЕ МАРТЫНОВЕ

Вспоминая Леонида Мартынова,
Он современником нашим был когда-то,
Стихи его ещё и сейчас дадут фору
Всем реформаторам,
Но это не значит, что их всех скормить
аллигаторам
Впору.
И суды обрисовал, и космос,
И гипотезы построения храмов,
А вот эволюции сознания косного
Не предвидел у теперешних хамов.
Он взывал к покорению вечности
И её влияния на природу,
А того, что нам не хватит простой человечности,
Недошурупил, потомкам в угоду.
Вот и думай, что Леонид Мартынов
На лучшее надеялся, как полагается,
Не подумав, что клин вышибается клином,
Но про это и теперь мало кто знает.

СТИХ 206

«ЗЕЛЕНЫЕ КОПЫТЦА»

Очередным сюрпризом наших дней,
Апофеозом окончанья лета,
Сообщение, что китайцы вывели свиней
С копытцами, светящимися светом
Зелёным… И вот сумерки уже,
Свиней не видно, звёзды светят тупо,
Зелёные копытца по шоссе

Горохом сыплются, людей вгоняя в ступор.
Зачем китайцам этот феномен?
Понять не может публика простая.
К чему сей бесполезный эксперимент
Над фирменной продукцией Китая?
И всё-таки учёный — молодец
(скорей всего, был человек счастливый)…
Станете кушать из ножек холодец,
Увидите, как светится красиво.

СТИХ 207

К ВОПРОСУ ЗАРПЛАТ НОРВЕЖСКИХ НЕФТЯНИКОВ–ВАХТОВИКОВ...

Проработал я в школе лет немало
И, получив инфаркт, благополучно ушёл,
Но, как всегда, чего-то всё же не хватало,
И как-то между прочим я в школу зашёл.
У них без изменений — инструкции и бумаги,
Директивы надвинулись и за горло берут,
К работе такой не видно тяги,
Когда всё тот же канцелярский труд.
Да и одежд на учителях я не вижу новых,
Хотя каждый носится с ворохом идей…
Они больше думают о своих коровах
И о том, чем завтра прокормят детей.
А друзья мои, побывав в Норвегии,
В ответ о размерах зарплаты своей
Услышали, что нефтяники и безо всяких
привилегий
Получают меньше норвежских учителей.

СТИХ 208

«ВСЕ ЖДУ: КОГО-НИБУДЬ ЗАДАВИТ ВЗБЕСИВШИЙСЯ АВТОМОБИЛЬ...»

В. ХОДАСЕВИЧ. 1921 ГОД.

Теперь такого не приходится ждать,
Пиши Ходасевич не в 21-м году, а в 21-м веке,
Он бы, как ни грустно об этом писать,
Сейчас на дню семь раз убеждался, как гибнут
человеки
Под колёсами взбесившихся авто,
И даже по семь человек сразу,
И, наверное, подумал: «Что-то вырастили не то,
Вывели какую-то убийственную заразу…»
Это он не успел дожить до войны
С фашистами, ближе средине века двадцатого,
Когда нам уничтожили полстраны.
Что же это делается, ребята?
Да и после хлестали атомом по городам,
А сейчас… война на войне и войной погоняет:
Там экономику разбили в хлам,
По пути людей изничтожая,
Здесь революции одна за другой —
Чёрно-белые и цветные,
А где империя, хороший мой?
От Союза осталась одна Россия.
Да и то осталась ли, надо ещё поглядеть —
Создаётся в стране мусульманский парламент…
Скоро нас любой будет иметь
И оттаптывать с наслажденьем ногами.
Так что нечего ждать, дорогой поэт:
То машиной проедемся, то самодельной бомбой.
Изобрели так называемый велосипед,
И впору прятаться в катакомбы.

СТИХ 209

«Американский девелопер построит крупнейший аутлет
В Москве…»,
А наш российский аутлет построит крупнейший девелопер
В Нью-Йорке — какая-то абракадабра,
Хотя на самом деле очень просто —
Один строитель на свои деньги
Построит торговый центр
Для сбыта залежалых товаров.
Но тут появляется некий ментор
И постарается доказать, что все старания «лопера»
Пройдут даром,
Если для наполнения этих аутлетов
Не будет хорошей погоды летом,
А ещё квалифицированного мерчандайзера,
Который почитывал Теодора Драйзера
Или хотя бы Франца Кафку,
Не забывая при этом соседскую Клавку…
Так мы и живём, англичане хреновы,
Не через пень-колоду, так через колено.
Говорят, и в США половина балакает по-русски?
«Дожили, — вздыхают полуграмотные
старушки, —
Даже и наш брат — те же барановские бабушки —
Поют то про баби-денс, то про пиосы,
Хоть включай турбовинтовые отсосы
И начинай срезать девичьи косы…
Вот вам и девелопер, и аутлет,
А тут ещё закрыт туалет!

СТИХ 210

Если меня догонит Ея Величество Смерть,
Я улыбнусь и вспомню за дверью,
Сколько раз она мне говорила: «Верь», —

И сколько раз я ей говорил: «Не верю».
Много раз намекали: «Ты слабак,
Если заново прокручиваешь кассету».
Я возражал: «Пусть будет так», —
Но кольцами древо прирастает от лета к лету,
И вот, кажется, подошёл к известной черте:
Ни улыбок, ни заигрывания, ни фарса,
И все, которые — ЭТИ, оказались совсем не ТЕ,
А просто мифическими пришельцами с далёкого
Марса.

СТИХ 211

НОВОСТИ РБК

– 1 –

«Скончалась актриса Сильвия Кристель
В нидерландском Утрехте в возрасте 60 лет…»
Любимицы Эммануэли больше нет,
Сказать, что перехватывает дыхание?
Теперь такими штучками не удивишь никого,
А в своё время — фильм был почти воззвание
Или эротическое восстание
Чувственной девушки, только и всего.
Говорят, что в парижском кинотеатре
Его показывали еженедельно в течение 30 лет
И фаны сходили с ума на Монмартре,
А богачи просто заказывали билет.
На своих дачах всё брежневское окружение
Крутило эту ленту и… девушку крутило в уме.
Потом сластолюбцы потерпели сокрушительное
поражение,
Неужели из-за девчонки на белой экранной стене?
Как бы там ни было, и роли она играла,
И жизнь проигрывала то с одним, то с другим,
Но светила всегда, бывало, и вполнакала,
Прошло время — красота её, как и жизнь, превратилась в дым…

– 2 –

«Китайский рыбак поймал «золотую» рыбку…»
Ценится бахаба из-за плавательного пузыря,
Это что за пузырь в пол-лимона
Зелёными… баско шибко.
Видимо, рыбак упирался с утра не зря?
Повезло мужику, ведь случилась такая пруха,
Начинай жить безбедно, как с чистого, блин, листа!
Не забыл бы, что есть у него и своя старуха,
Ведь разбитым корытом заканчивалась сказка та.

– 3 –

« В Костромской области во время охоты
Застрелен мужчина, который решил пошутить…»
Он в кустах начал хрюкать и дохрюкался до икоты,
И ещё от дружка два заряда успел получить.
Это надо ж иметь свинскую сообразительность,
Чтоб подставиться этак и грудью на дуло лечь,
А где был Онищенко? Непростительное попустительство.
Он-то мог вполне друганов наших предостеречь,
Да и крупной была картечь…

– 4 –

Вот ещё одна новость свалилась, как с ёлки игрушка:
«Россияне перестали доверять к концу года рублю».
А женам они доверяют, а руководящей верхушке,
То есть, читайте в скобках, и правительству, и Кремлю?
Да они, эти «западники», в хлам уже охамели
И все наши в не наши так и норовят перегнать,
А то вот ещё мода, станут к Новому году рубить они ели

И ругаться, подвыпив, вспоминая про кузькину мать.
Наш оплот за доверие к «деревянному»
— пенсионеры,
Я прикинул и внуку излишки «на пиху» отдал,
Если вдруг коммунизм победит — станет внук пионером
И запомнит, как дедушка прежде его выручал.

– 5 –

Шёлковые тапочки Марии-Антуанетты
Ушли с молотка за 63 тысячи евро,
А ещё продали туфли, чуть ли не балетки,
Венценосной, как утверждают, стервы
С понятиями извращёнными,
Жены Людовика-невозможного.
На вопрос, где брать хлеб для народа,
Ответила: «Не хватает хлеба, пусть ест пирожные».
В туфельках этих, проданных нынче за евро,
Она была на годовщине взятия Бастилии,
Трусила слегка, наверное.
Ещё бы, вскоре и её закрыли,
А теперь в Париже, в год 219-летия её казни,
Продают то туфли, то рукав её тюремного платья,
Выставляя с аукциона подобное безобразие.
Причём за рукав потребовали около 7 тысяч евро,
Антуанетта не думала, что её одевают дорого так,
А то бы не вела себя перед гильотиной нервно,
Полагая, что наряд потянет не больше, чем на пятак.
«О времена, о нравы», — скажет какой-нибудь эстет
И будет неправ, при чём здесь нравы…
Ведь всё-таки прошло 219 лет,
И короли той поры оказались неправы.

СТИХ 212

Горячая Венера,
Холодный Марс,
А посередине Земля — удобная для жизни,
На которой и снежный барс,
И государства, склонные к коммунизму.
Как нам с планетою обойтись,
Чтобы в таких зеркалах отражаясь,
Увидеть совсем другую жизнь
И понять — не зря мы за неё сражались,
Вырывая поочерёдно из лап войны
И научно-технического прогресса,
От экологически чистых
Топора и стрелы
До современных средств
Военно-промышленного регресса.
Горячая Венера,
Холодный Марс,
А посередине ещё одно кольцо астероидов…
И на других мирах, встречая нас,
Называют не иначе, как гуманоидами…

СТИХ 213

ПАССИОНАРНОСТЬ МАТРАКАЖА

Я всё реже слышу русскую речь,
Кумиры запели довольно странно:
Не то на ломаном иностранном
(на франко-нижегородском сиречь),
Не то на своём, непохожем на речь,
На птичьем, по случаю изобретённом.
И вот уже музыкантов колонны
Предполагают эти перлы и крохи беречь.
В их творчестве – проявление андеграунда и новизны
В соединении со спецификацией кондовой.

Ей-ей, не вру, вот честное слово,
Послушайте, срывая майки, а то и штаны.
А этот фокус ещё зачем?
Да чтобы до конца проникнуться,
Вкусить, так сказать, и потом откликнуться
Не только привычным, но всем-всем,
Изнемогая и извергая, как будто с похмелья…
И вот когда заморочится плоть,
Вы сумеете побороть и превозмочь
Приступы меланхолии и бурного веселья,
Впитывая первоматерию мира,
Почувствуете эстетический оргазм,
И тогда откроется третий глаз,
И закачается однокомнатная квартира
Огромного зала, где тысячи глаз
Сведены вашим действом в единую точку
И вшиты зигзагообразной строчкой
Готовых слышать и слушать вас!

СТИХ 214

«В ТОМ, КАК ЛЮТО ДЕВУШКИ ЛЮБЯТ ДЕВУШЕК, – ЧТО-ТО ВЕЧНОЕ ЧУДИТСЯ...»

В. ПОЛОЗКОВА

Вот время настало, так и хочется выкрикнуть:
«Выражайтесь яснее, кто кого любит,
Кто кого обнимает за шею, а кого — губит!»
Конечно, с мальчиками тоже случается это,
Так ненавидят, что не могут кушать,
И притом не важно зимою, летом ли —
Главное, чтобы не мёрзли уши.
Вот говорят, что девушки любят ушами,
Притом царапаются, как кошки,
И не готовы отдаваться сами,
Если не услышат ничего хорошего…
А если одна другую любит —
Тут не обязательны речевые моменты,

Они всё равно друг дружку погубят,
Так для чего уродливые сантименты?
Флаг вам в руки и вперёд, за веру,
Что всё у вас и у нас получится
И не понадобится усилий милиционеров
Или полисменов, когда он ссучится.

СТИХ 215

В избранность поверил я
Вопреки судьбе…
Мы с тобой два дерева
На одном гербе.
Мы с тобой два глаза
У противогаза
(два не выбьет сразу ни одна зараза).
По две ножки у стола,
У ружья мы два ствола.
Отдуплились сразу,
Будучи под газом.
Друг за друга мы стеной,
И пора трубить отбой.

СТИХ 216

Уход из Думы «единоросса» Кнышова
Не нанёс им урона большого
И призван был уравновесить уход
«справедливоросса» Гудкова,
А что здесь такого.
Сын Гудкова таких, как Кнышов,
«Золотыми кренделями» России называть готов.
Эх, побыть бы на их месте
Всей семьёй — лет двести.
В продолжении темы Nevsru.com,
Ольга Крыштановская притом
Отдыхала на Кипре в пятизвёздночном отеле
И записала, что лежит у голубого бассейна
«Блиииин…»,

Забыв про российские дожди и метели
И даже про берега петербуржского Рейна,
А прислуживают ей наши эмигранты:
Горничные, водители, официанты…
Барыне и бывшему советнику президента,
Вот и размякла, выдав на фейсбуковскую ленту
Оценку себе как барыне, а не бывшей
«единоросске»,
И отнюдь не бюджетной присоске
(отдыхаю, мол, на свои кровные),
Отсюда и заколбасило.
Тоже своего рода «золотая ватрушка».
Такая получается петрушка
Про некогда чуть ли не простую пастушку.

СТИХ 217

Вокруг деревья в серебре —
В природе никакого жлобства.
Живу — удобства во дворе,
А в доме — только неудобства.

СТИХ 218

Желтеет мир, желтеет пресса,
Желтеет право и закон,
И жить совсем неинтересно
В глухом безвременье времён.

Молитвы тихие читая,
Печально отходить ко сну,
Под шум авто, соседей, лая
Нырять в густую тишину.

И просыпаться на рассвете
Под тот же перестук и шум
И видеть мир всё в том же свете
Бесцветных лиц, бесцветных дум.

СТИХ 219

Женщины любят писать стихи,
Они их пекут, как пекут блины,
Мужчины любят посещать Сандуны,
И к женским чудачествам они глухи.
А женщины считают себя сильнее, чем есть,
Возможно, в чём-то сильней мужчин,
И когда их сердят, говорят: «Бли-и-н…»
И прощают мужикам их гонор и спесь,
Полагая снисходительно: «Пускай себе
Потешатся, они же почти как дети,
Всё равно попались в наши сети,
Заодно поупражняются в ходьбе…»
Женщины — все наши цветаевы и ахматовы,
Успевают стихи писать и детей рожать,
Хотя мужчины не считают себя женатыми
И думают: «Какая это всё-таки благодать!»

СТИХ 220

Умирают мужики,
А потом их жёны
Умирают от тоски
Или самогона.
Стресс опять же тут как тут,
Косит всех, дружище…
Их торжественно несут
После на кладбище.

И вздохнут, захоронив
(лист желтеет клёнов),
Что поделать… рецидив,
Так что всё законно!

СТИХ 221

Златоглавая, википедная,
Супердобрая,
Супервредная,
Супербедная и богатая,
То крутая она, то покатая
И желанная, и нежданная,
То понятная, а то странная,
Авто — авиа, Гус и Фабио.
Непокорная, беспринципная,
Или — ауди, или — видео,
То ли видимо, то ль невидимо,
Шла на зрелища, шла на митинги.
Хлебосольная и престольная,
И открытая, и подпольная…
Кто ты в данный час,
До свидания.
И не в бровь, а в глаз
На прощание!

СТИХ 222

В который раз читаю Окуджаву:
«Калитки шорох и простывший чай…» —
Читаю, пью, не книгу, а отраву,
Собак полночных слышу хриплый лай…
Эпоха мудрых бардов, менестрелей,
Эпоха канцелярщины и снов.
Работа до упора на пределе,
Боязнь и отрицание основ.
«Прощай, прощай. Прощаю все обиды…» —
Теперь-то так не принято прощать,
Ну, разве ж покривившись и для вида,
Когда уже беды не избежать.

СТИХ 223

Время, когда осень ползёт, словно кляча,
И, понурясь, молчком проклинает свою судьбу,
Когда время уже ничего для тебя не значит,
Жёлтым туманом обволакивая городьбу.
Когда Некто объявит о скончании мира
В сотый, а может, уже в пятисотый раз,
А под этот шумок отсудит у бабки квартиру
И заложит в ломбард свой красивый последний глаз.
Время, когда вспоминаются сказки
Тех далёких, из детства, счастливых, но кратких лет,
Достают старики из заначек волшебные краски
И малюют до одури, напрочь забыв про обед,
Про обет тот, который себе давали,
Не касаться прошлого, больше его нет,
Где друзей, не стыдясь, за хороший обед продавали,
Прячась за спины тех, кто поставил стальной турникет.

СТИХ 224

Пятнадцатилетняя девочка обратилась к Блоку:
«Александр Александрович, почему окружение так жестоко?» —
И поэт не сказал ей тогда: «Прости…» —
Он стихи написал «Когда вы стоите на моём пути…»,
Где советовал ей посмотреть на жизнь со стороны другой,
Грешно думать о смерти такой молодой…
И девочка поняла. Через 37 лет она,
Героиня французского Сопротивления,
На смерть пошла за другую,
Красивую и молодую,
Испив свою чашу до дна.

И, хочется думать, благодаря тем наставлениям
И сердца своего вразумлению.
Фашисты поставили к стенке
Блока корреспондентку,
Русскую женщину Елизавету Пиленко.

СТИХ 225

«Ручная буровая установка»,
«Набор и вёрстка книг»,
«Проблемы в постели» —
подумать, сколько услуг,
И с чего это вдруг?
Прочитал наискосок:
«Установка книг в постели
Проблемы решает в срок,
Нормализуя уровень тестостерона…»
Флаконом одеколона?
А для чего тогда буровая?
Чуть левее абракадабра другая:
«Стынет кровь, стынет чай,
Стынут пальцы и кот на стуле…»
А вот стынет ли Баба-яга в ступе,
Не замёрз ли Кощей невзначай?
«Ты мой гроб», — Я твой горб и печаль…»
Эта штука — поэзия
Удивительней, чем раффлезия…

СТИХ 226

Всё меньше остаётся ветеранов
Войны далёкой, в них проснулись раны
И ползают по немощным телам;
То здесь болит, а то и здесь, и там.
Ещё у стариков болит душа,
Она ещё с войны обожжена.
Какого же, подумаю, рожна
Теперь-то, доживала б не спеша,
Ведь всё равно голубкой улетит,

Когда старик живой утратит вид.
И больно, что у наших ветеранов
Ещё с войны не заживают раны.

СТИХ 227

Досуха вымел ветер улицы октября,
Душу мою он вымел досуха…
Выходит, что в осени я тормознулся зря.
Пусто, но слышится с огородов: «С-сука!» —
Равнодушный, но злобный крик,
Кто кричит на кого:
Может, мужик с похмелья, а может — старик,
Или у них так принято, только-то и всего?
А вернёшься сюда через год,
И по-прежнему кто-то зовёт,
И по-прежнему в ответ тишина,
Как и раньше, считай, до дна…
«Дни поздней осени бранят обыкновенно…» —
Подметил вдрызг замотанный поэт.
Крик одиночества, судьбу через колено
Ломает он уже немало лет…

СТИХ 228

Не хватает твоего терпения
Читать мои откровения,
И ты врать начинаешь коряво,
Неуклюже, слева направо.
Разогнавшись — не остановишься,
Разлюбив — не полюбишь опять.
Я хотел бы сказать: «Сокровище», —
Но сказал откровенно: «Бл…ь!»
Так уж вышло, так получилось,
Зато нет теперь нужды лгать,
И сама ты, скажи на милость,
Возразила бы: «Сам ты бл…ь!»

НЕДЕЛЯ ВОСЬМАЯ

СТИХ 229

Прикинули — к 2020 году
Поллитровка станет под тыщу.
Кому в угоду?
Сегодня таких не отыщешь,
Хотя уже радуются подпольные торгаши спиртом:
Различные тёти Маши и в ларьках возле школы.
Зато слегка придушат торговцев флиртом.
Бизнес будет дороже на трезвую голову.
Но самые дальновидные, усмехнувшись едко,
Скажут, что уже проходили:
Тянет-потянет дед репку,
А мышку поймали и… убили!
Говорят, самогонку можно выгнать из табуретки?
А почему бы и нет!
Так что не всё потеряно,
И нет смысла елозить задницами по кушеткам,
Просто в головах у начальства
Сплошной кордебалет.

СТИХ 230

С удивлением констатирую —
У меня в жизни случилось две медали
(явно не породистая собака),
Одна — к столетию рождения Ленина,
Другая — к столетию смерти Чехова.

Алчные друзья разочарованы,
Обе не имеют денежного наполнения,
Зато обе — вечные.
Правда, обе из разных явлений,
Идеологий, но Россия у них одна,
Как и у меня — тоже,
И судить мне об этом негоже,
Меняются времена и нравы,
Но оба по-своему правы.
Ленин и Чехов не близнецы-братья,
И как разобраться, кто более ценен,
Кто из них большая веха,
Ленин или Чехов?
Следующий столетний юбилей —
Начало Первой мировой войны всей,
Затем столетие Октябрьской революции —
Великой рассейской экзекуции.
Я к ним отношения не имею,
Не считая деда, который был в германском плену.
Значит, и тявкать туда не смею,
Тем более на свою страну.

СТИХ 231

«Я КОНЧИЛСЯ, А ТЫ ЖИВА...»

Б. ПАСТЕРНАК

Я жив, а ты? Теперь не знаю,
Съезжает осень с октября,
И как последние по краю
Лежат не листья, а слова.
На тропках запахи зверья,
Собака недоумевает,
Охрипла и уже не лает
Среди обломков и хламья.
И ты уже не отвечаешь,
К бесстыдству быстро привыкая
На междометиях вранья.
Я жив, а ты?

Жива вдвойне,
Хоть проиграла в той войне,
Которую вела со мною,
И состояние покоя
Совместно нарушать не стоит,
Тем более наедине.

СТИХ 232

«О СТАЛИНЕ МУДРОМ...»

Ах, как мы плакали о Сталине,
Как были все ему верны…
Не так себе, выходит, плакали
Осиротевшие сыны.
Ему простить смогли мы многое,
Ему мы всё простить смогли,
Желая мудрого и строгого
Опять «хозяина» земли,
На смену «другу и товарищу,
Отцу народов» — новый маг,
Что вдруг объявит на ристалище
Про безоглядно верный шаг…
До коммунизма неизбежного
Подать останется рукой…
Потом пришла эпоха Брежнева,
Так называемый застой.
Мы долго в облаках витали бы,
И только сделав ход конём,
Вдруг снова вспомнили про Сталина
И как рыдали мы о нём.

СТИХ 233

ЛЕТЧИКАМ-ПЕРЕГОНЩИКАМ «АЛЯСКА — СИБИРЬ»

Трасса «Алсиб» секретна вдвойне, втройне,
Лётчики держат строй, самолёты — крыло на крыле,
По ленд-лизу (давать взаймы) из США в Россию,

Самолёты для них родные, для нас — чужие,
Но для фронта необходимые такие!
Год 1942, из Фербенкса на Уэлькаль
И далее на Красноярск. По всей трассе
Через каждые сто километров можно
Ставить погибшим памятники,
Даже сейчас тревожно. Морозно,
Куски льда от пропеллера отлетают,
Пробивают обшивку своего самолёта,
Ранен штурман, досталось пилоту
Куском льда… ерунда!
Главное пробить облачность
И через Сеймчан, Якутск, Киренск
В Красноярск.
Самолёты после перегона нужно чинить.
Лицо и руки — касторовым маслом,
И при минус 40 градусах кого винить?
Мой дядя, Климацкий Георгий,
Получил от Рузвельта часы именные:
«Солдату России…» — но и скорби слова:
Весь экипаж Первого перегона
Погиб на транспорте Ли-2,
Взлетев едва…
Машина ушла в небытиё,
И лётчики ушли в свой последний полёт
На тот свет. С нами их больше нет.
Но восемь с половиной тысяч машин
Доставили парни по «Алсибу»
Через Канаду и США в Советский Союз
По ленд-лизу бесценный груз,
Верней, груз доставлял сам себя,
Фашистам всерьёз грозя и разя.
Даёшь «Аэрокобры» — гостинцы Гитлеру и его камарилье
От стран-союзников, боевых эскадрилий…
И более сотни погибших при перегонах…
Памятник в Фербенксе, на Аляске, людям в погонах,

Мы же об этом долго молчали
(во время «холодной войны», зубами стуча,
воевавшими лётчиков не признавали
на всякий случай…)

СТИХ 274

ИЗ РАССКАЗОВ ПЕНСИОНЕРА

– 1 –

Вот и дослужился до инфаркта,
Как солдат до маршальской звезды,
До простого жизненного факта
У последней, кажется, черты.

Выслужил себе почти по блату
Модную, нестыдную болезнь,
Получил без крика и без мата,
Незачем в бутылку стало лезть.

Да и начиналась жизнь с фальстарта.
Вдуматься, то вроде бы пустяк,
Но в конце выходит — до инфаркта,
Как теперь сказали бы — косяк.

– 2 –

Живу на пенсию, как все,
Живу, мечтая о сгущёнке,
Бананах, яблоках, тушёнке,
Как конь мечтает об овсе.

Живу на пенсию, как все.
Мечтаю о социализме
Норвежско… шведско… финском… изме
Во всей их западной красе.

Мечтаю, впрочем, как не все,
О буржуазно-датском виде
И незадавшейся планиде
Своей, как пятом колесе.

А государство всё грозит:
«Ужо, нахлебники такие,
Свою прошляпили Россию,
А это наша…» — говорит.

СТИХ 235

Верифицируюсь,
Индифицируюсь,
Не инфицируюсь,
Газифицируюсь,
Дезинфицируюсь,
Фортифицируюсь —
Всё бьюсь, да бьюсь
И всех боюсь,
Как дикий гусь
В сезон охоты,
Среди болота…
Кричать охота!

СТИХ 236

Чтобы писать стихи,
Нужна хоть какая-то биография,
А не просто интеллект — мафия
И кое-какие грехи,
Даже грешки, если сказать точнее,
А ещё аура Льва или Водолея,
Вот тогда и пойдут стихи,
А не просто ха-ха, хи-хи..

СТИХ 237

МОЕ ВРЕМЯ

Часы мои — снайперы,
Они давно уже пристреливаются
И не ведут огонь на поражение,
Но они ещё те лицемеры
И уже давно выбивают из моей жизни
Драгоценные секунды и минуты,
А потом, когда их припрёшь к стенке, сознаются,
Что под шумок выкосили целые батальоны
Зим и лет.
То есть годы были… и нет,
А я простодушно удивляюсь,
Как быстро летит время?
И бегу за ним, стараясь ухватиться за стремя.
Сколько упустил лет.
А всё они — мои часы,
Которые безобидно висят на стенке,
В простенке.

СТИХ 238

«НЕ БРОСАЙСЯ КАМНЯМИ, ЕСЛИ ЖИВЕШЬ В СТЕКЛЯННОМ ДОМЕ».

(ИЗ НАРОДНОЙ МУДРОСТИ)

Я — хозяин стеклянного дома,
Это чувство мне очень знакомо,
Когда я выхожу с кирпичом,
То дрожит мой стеклянный дом,
Потому что и мой сосед
Тоже с камнем выходит в ответ.
Он выходит в свой собственный сад,
Где деревья хрустально блестят,
Где хрустально сияет луна.
Вот кому б засветить между глаз,
Но такая вокруг тишина

И такая вокруг красота,
Что внезапно добреет сосед.
Ничего у него в руках нет,
Ничегошеньки нет у меня —
Мы сегодня с соседом родня.
Мы и завтра совсем не враги…
Вот, сосед, две моих руки.
А сосед улыбнётся мне
И ладошкой стучит по стене.
Говорит: «И почём хрусталь,
Неужели стекла не жаль?
Ты же знал, что я пьянь и жлоб,
А не просто культурный сноб.
И ужиться со мною чтоб,
Нужно сразу заказывать гроб».
Это шутит сосед мой так,
Он к тому же большой чудак
И мастак, чтоб сморозить так!

Козловский Алексей Дмитриевич

Семь с половиной недель осени

Стихи

Редактор *Е. В. Чезыбаев*

Компьютерная вёрстка *Д. А. Чезыбаева*

Подписано в печать 12.11.2012.
Формат 60х90 1/16. Гарнитура Liberation Serif.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Печ. л. 10,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 42.

Государственное бюджетное учреждение
Республики Хакасия
«Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н,
тел. (3902) 24-43-54, 24-30-39

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173